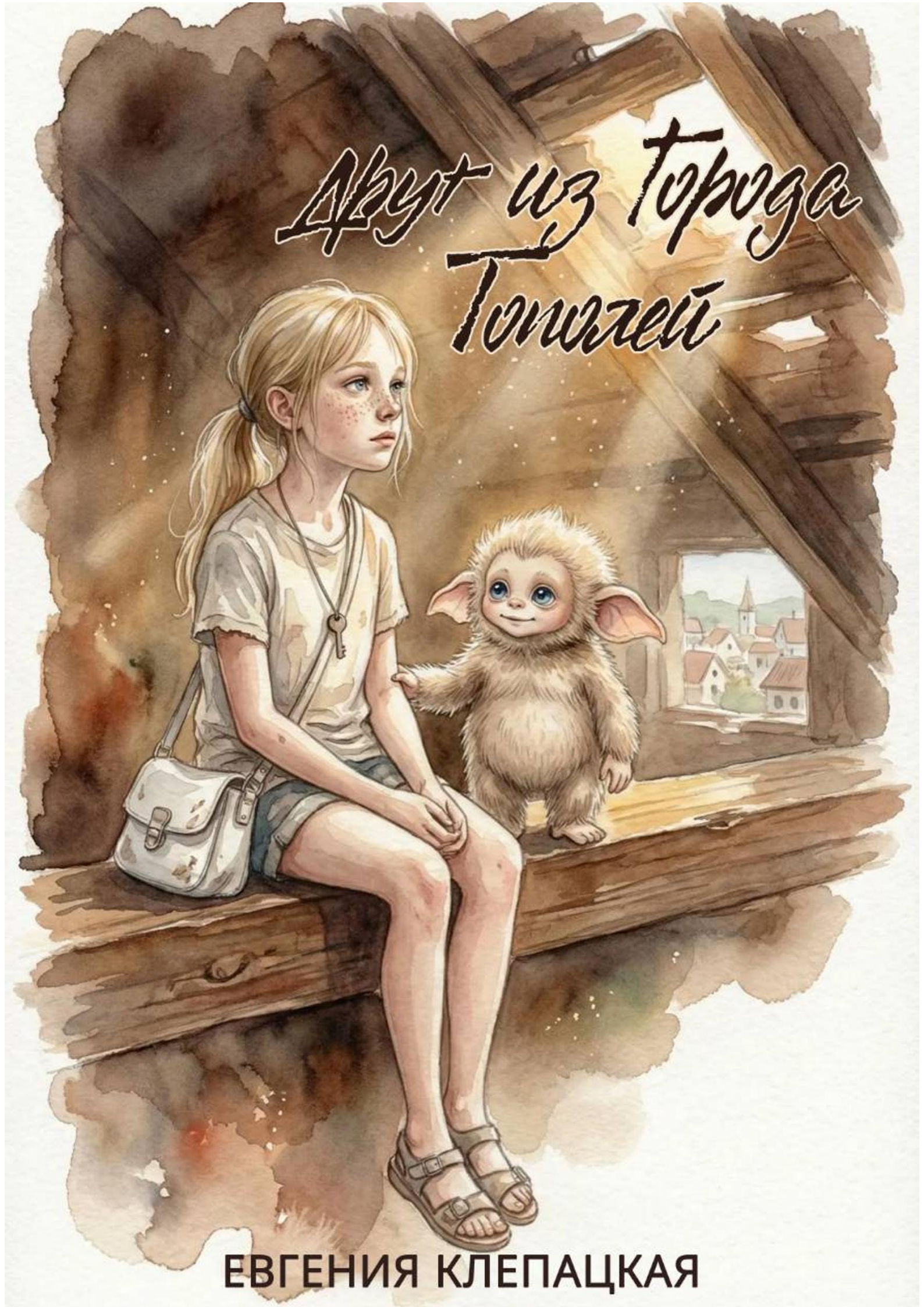

Друг из города Тонлей
ЕВГЕНИЯ КЛЕПАЦКАЯ

Евгения Клепацкая

Друг из Города Тополей

«Автор»
2020

Клепацкая Е. О.

Друг из Города Тополей / Е. О. Клепацкая — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-91858-0

На старом чердаке живёт Ноум — мудрый, пушистый кранфур с космическими глазами. Там же, среди пыли и солнечных лучей, его находит девочка Женька. Они становятся друзьями и разговаривают обо всём на свете: об обидах и любви, о страхах и счастье, о том, как быть собой в мире, где все ждут, что ты будешь другим. В их беседах нет готовых решений — есть только тёплый свет, уютный полумрак чердака и мягкий голос друга, который помогает взрослеть, не теряя себя.

ISBN 978-5-532-91858-0

© Клепацкая Е. О., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Вместо предисловия 5
Тот, кто живёт на крыше 9
Кто же это такие? 11
Про мир во всём мире 13
Желания исполняются 16
Я буду здесь, когда ты придёшь 17
Голос внутри 20
Влюблённость 22
Капля дёгтя в море прекрасного 24
Всё пройдёт, пройдёт и это 26
Минута длиною в вечность 27
Женька и её собственная книга 29
Город Тополей 30
Цветочки сирени 31
Синяк под глазом обидчика 32
Почему дедушка не разобрался? 34
Сложности выбора 35
Умение прощать – нелегкая задача 36
Склад былых обид 38
Организм подскажет 40
Дополнительные батарейки 41
Лето пролетело 43
Запах новых тетрадей 44
Ведро с цветами 45
Смешное слово 47
Быть, а не казаться 48
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Евгения Клепацкая
Друг из Города Тополей

Знаешь, дорогой друг, я долго думала, нужно ли вообще что-то писать в начале. Всё главное уже сказано — в этих рассказах. Они про девочку Женьку, про кранфура Ноума, про чердак, где пахнет пылью и солнцем и немного голубями. Про разговоры, которые хочется сохранить в себе в памяти.

Но потом я поняла: этот сборник — не просто книга. Это приглашение на чердак. Присесть на старую балку, пока вокруг кружатся пылинки в солнечном луче, и послушать. О том, почему обижаться тяжело только тебе, а не тому, кто обидел. О том, что «быть хорошей для всех» невозможно — и это нормально. О том, что счастье не в пятёрках и не в красивой внешности, а в умении замечать тепло там, где оно есть.

Ноум — мой самый мудрый друг. Он появился в моей жизни не потому, что мне нужен был волшебник. А потому, что каждому из нас иногда нужен кто-то, кто просто сидит рядом и говорит: «Я тебя слышу. Ты не одна».

Я не знаю, сколько тебе лет. И неважно. Потому что эта книга — для всех, кто когда-нибудь сидел на пыльном чердаке и смотрел, как тают облака. Для всех, кто помнит своё детство или только учится в нём жить. Для всех, кто ищет ответы на вопросы, которые не задашь вслух.

Просто открой первый рассказ.

Там, на чердаке заброшенного дома, уже зажёгся солнечный луч. И пылинки уже танцуют.

Твоя Женька из Города Тополей

Вместо предисловия

О чём молчат старые чердаки

Ты, наверное, думаешь, что старые чердаки – это просто пыль, голуби да забытые вещи. Но если бы ты знал… Если бы ты знал, сколько тайн они хранят. Я живу на одном таком чердаке уже очень давно. А когда-то у меня был свой дом – совсем другой. Он называется Кранфуриум.

Кранфуриум появился ровно тогда, когда и Мир Людей. И существует рядом все эти долгие тысячелетия. Это Страна зелёных равнин, мягких холмов, невысоких деревьев и вечного лета. Здесь можно встретить пугающих на первый взгляд, но нежных существ – кранфуров. Мудрых, спокойных, пушистых созданий, которые наслаждаются вечной жизнью в нерушимом умиротворении. Наши жилища – миниатюрные норки-пещерки на склонах холмов. Вечерами мы смотрим, как солнце уходит за горизонт. Оно здесь особенно красивое: долгое, алое, будто прощается с каждым из нас лично. А потом мы странствуем в своих мыслях, вспоминая то, что было, или придумывая то, что ещё никогда не случалось. А некоторые из нас путешествуют в Мир Людей.

Первыми в Кранфуриуме появились тринадцать белых, как лунь, созданий с космическими глазами. Совершенно белый мех окутывал всё их тело, глаза меняли цвет от небесно-голубого до алого, проходя все краски космоса за секунды. Всегда спокойные мордашки, не

выражающие эмоций, покрыты сияющим блеском, переливающимся в лучах солнца. В головах этих существ светятся разноцветные кристаллы. Мы зовём их Старейшинами. Они правят спокойствием в нашем мире и следят за порядком, когда кто-то из кранфуров отправляется на Землю Людей. Их важнейшая задача – соблюдать Правила Кранфуриума и следить, чтобы им следовали все. Первые, с кем встречается каждый кранфур, проснувшийся в пещере, – это Старейшины, вещающие о Правилах. В руках новоприбывшего остаётся вещь, которая будет связывать его с новым местом жительства. И имя ей – Оганотус. Невзрачный камешек, способный перекидывать кранфура в Мир Людей. Ужаснейшее наказание, которое может получить пушистик, – лишиться Оганотуса и доступа в Мир волшебных закатов.

Мы, кранфуры, имеем немало волшебных способностей, помимо того, что разговариваем и прыгаем между Мирами. Наша память – безгранична. Мы помним всё, что происходит с нами с того момента, как появились в Кранфуриуме. Каждая секунда нашего существования становится важной и невероятно точной. Чтобы не захламлять свою пушистую голову лишней информацией, кранфуры разборчиво относятся к тому, что узнавать и изучать.

Ещё одна наша способность – умение прочесть жизнь человека обычным прикосновением. Мы смотрим жизнь интересного нам человека, как фильм, выхватывая занятные моменты и откладывая в своей памяти. А ещё мы умеем лечить. Способность кранфуров к лечению спасла уже не одного человека. Даже если люди не знают об этом, многие болезни отступают только потому, что мы оказались рядом. Но все свои способности мы можем применить лишь к людям. Друг друга кранфуры прочесть и вылечить не могут. Наша прошлая жизнь в Кранфуриуме известна каждому из нас, но Правила запрещают рассказывать о себе больше, чем необходимо.

Что касается вечной жизни, то тут тоже всё неоднозначно. Если наша способность к самоизлечению не успевает за процессом приближающейся смерти, кранфур умирает. Навсегда. Его энергия растворяется, как и память о нём. Из Вселенной стирается всё, что было связано с этим существом.

Что ж, а теперь про Мир Людей и почему мы иногда там появляемся…

Вся ваша жизнь состоит из того, что было, есть и будет. Каждый кранфур, появляясь в Мире Людей, остаётся навсегда связан с чердаком того дома, где нашёл свой первый приют. Именно это место становится для него выходом, через который он будет путешествовать в ваш мир. Да, со временем чудик учится прыгать в любое ему известное место, но первым будет тот самый чердак, где он когда-то оказался.

Чтобы не забыть, кто мы, и не растерять свою сущность, кранфуры частенько попадают в дома к ребятишкам и помогают справляться с проблемами. Мы направляем мысли в то русло, где ярость, злость и обида затихают, а любовь и тепло разливаются по маленькому телу мальчишек и девчонок.

Со взрослыми сложнее. С годами они перестают верить в себя, в свои силы и слишком много боятся. Вспомни: когда ты говоришь трёхлетнему малышу, что он плохой, мальчуган будет с тобой спорить до последнего. Потому что он – хороший. А вот если ты скажешь взрослому, что он плохой, – поверит. Что самое удивительное, ребёнка легче научить доверять Миру, а взрослого – невозможно без его активного участия и, конечно же, желания. В этом и весь вопрос. Кранфуры спасают ребятишек, а не «одеревеневших» взрослых. Помогать – это не наша задача, а всего лишь желание. Многие кранфуры выбирают оставаться в Кранфуриуме и навсегда забыть дорогу на Землю Людей.

Существует Правило, которое должно соблюдаться в Мире Людей кранфурами: людям нельзя знать о Кранфуриуме. Мы не проявляем себя и активно прячемся от человеческих взоров. Спросишь, каким же образом в таком случае мы помогаем ребятишкам разбираться со шквалом эмоций и чувств? Кранфуры попадают в сны и мысли, где и объясняют, что те чув-

ствуют, и помогают переживать происходящее. Кроме того, мы, прикоснувшись к маленькому человеку, показываем «фильмы» с будущим или тем, что ребёнок не мог увидеть со стороны.

А теперь про то, какими мы бываем, кранфуры из Кранфуриума.

Если не брать в учёт белых Старейшин, то от времени, когда кранфуры попали в Мир равнин, зависит цвет нашего меха. Самыми многочисленными жителями Кранфуриума стали забытые холодными осенними вечерами. Осень легко сближает всех перед предстоящими морозами, укутывая в тёплые пледы. Но также она разрывает связи и выкидывает из головы людей воспоминания о тех, кто давно не рядом. Кранфуры, проснувшиеся во времена осенней хандры в тёмной пещерке, как опавшие листья – охристо-жёлтые, коричневые, бордовые.

Зима приводит белых, синих, голубых кранфуров. Снежные вечера, как и осенние, заставляют иначе смотреть на свою жизнь. Люди достают старые фотоальбомы, чтобы освежить память. Оттого зимних кранфуров не так часто можно встретить на просторах солнечных равнин.

Ещё одно время, когда люди исключают из жизни всё, что им тяжело нести с собой, – весна. Нежные оттенки цветов, светлые и лёгкие становятся единственным и несменяемым одеянием для весенних кранфуров.

Ну и наконец – лето. Самые яркие расцветки меха – это про летних пушистых жителей Мира Закатов и Равнин.

Только взглянув на кранфура, можно понять, с каким характером столкнёшься при общении. Мы с осторожностью относимся к тем, у кого на голове красуются рожки или шипы. Это говорит о том, что спокойствие – не про них. Они могут легко вспылить в сложной ситуации. Их избегают другие существа только чтобы сохранить собственное равновесие, хотя кранфуры с рожками быстро возвращаются в спокойствие.

Кранфуры с щупальцами отличаются способностью подстраиваться под настроение собеседника. С ними всегда легко и просто, потому что они как будто на одной волне с другими, будь то рогатый вспыхнувший пушистик или восторженный и весёлый.

Отдельный вид – восхищённые и влюблённые в жизнь кранфуры с крыльями. Неважно, какого рода трепещут крылышки – бабочки, летучей мыши или птички. Вся наша суть в том, что ум таких кранфуров всегда в полёте где-то в облаках. Любимое занятие – придумывать себе приключения и заряжать остальных этим.

Самые немногочисленные жители – те, кто имеет третий глаз. Они чувствуют других кранфуров, как никто. Их способность знать, что в голове собеседника, почти равна чтению мыслей, хотя это недоступно жителям Кранфуриума. Чуткость и понимание не знают границ.

Существует ещё ряд различных отличительных черт, но с ними ты когда-нибудь познакомишься обязательно.

Ну и наконец те, у кого нет никаких отличий во внешности. Но это не значит, что всё просто. Их важная способность – уметь смотреть на проблемы со стороны. Они справляются с мыслями и чувствами легче остальных. С ними время от времени бывает трудно из-за того, что они предпочитают не входить в положение собеседника. Но, благодаря этому, легко доносят мысли и чувства людям, исключая свои эмоции.

Вот такой он, Кранфуриум. А теперь я расскажу тебе историю одной девочки. Историю, которая началась на чердаке старого дома в городе тополей, где я провёл много лет, дожидаясь кого-то, кто сможет меня услышать.Тот, кто живёт на крыше.

Она пришла в тот вечер, когда солнце уже садилось, а тополиный пух лежал на асфальте, как первый снег. Я слышал её шаги на лестнице, чувствовал, как скрипят старые доски под её ногами. А потом она меня увидела. И с этого всё и началось.

Тот, кто живёт на крыше

Тепло пыльных чердаков хранит в себе безумное количество тайн и захватывающих историй. Этот фантастический рассказ о вселенной чувств и эмоций берёт своё начало в беспечном детстве одной маленькой зеленоглазой девочки, имя которой – Женька. Новые знакомые всегда удивлялись, почему столь мужское имя досталось хрупкой, конопатой девчонке. Женя и сама порой задумывалась, какой бы она была, если бы мама с папой назвали её, например, Аней или Юлькой.

Детство – немыслимое время, когда деревья по-сумасшедшему огромны, зелёный от водорослей пруд похож на необъятное море, а мама с папой знают всё об этом большом мире. Женя была одной из тех, кого не брали в компании прелестных девчонок с косичками и бантиками, потому что её короткая стрижка горшком вязалась лишь с её именем, а не с присутствием кукол за спиной. Но это её почти не печалило. Существовали иные развлечения, которые доводили до эйфории это светловолосое чудо с веснушками. Шалаши, чердаки заброшенных домов и вековые деревья – это и была жизнь маленькой белобрысой девчонки.

Случалось ли вам бывать на чердаках в вечернюю пору? Когда золотистые лучи озаряют неспешно кружащуюся пыль тёмной комнаты. Когда опилки или земля, которой засыпаны полы под старой прогнившей кровлей, уютно тёплые. Когда в духоте непроветриваемого чердака стоит запах перьев и результатов столь незатейливой жизни голубей, и витает ощущение безмятежности.

В городе, где девочка с золотистыми волосами проводила своё лето, подобных чердаков имелось несколько. Собственно, там она столкнулась с первым существом, о котором и пойдёт повествование дальше.

Бабушка, как обычно, готовилась уходить в ночную смену в родильный дом, где и работала. Собирала своё нескончаемое вязание и укладывала испечённые за вечер печеньки в огромную чёрную сумку. Девочка с нетерпением ждала, когда услышит сокровенные слова: «Жень, дверь закрой за мной!»

Восемь часов вечера.

Душные июльские улицы города, утопающего в длинных закатных лучах, были затянуты сугробами тополиного пуха. Перед ребёнком со светлыми волосами оказался ветхий заброшенный дом. Окна двух этажей забиты дряхлыми досками. Кое-где проглядывают довоенных годов шкафы с отвалившимися дверками. Этот дом стоит крепче, чем многие современные здания, поэтому все лестницы сохранились в первоначальном виде.

Чердак дома казался самым уютным местом, только посещать его удавалось достаточно редко: он находился за несколько улиц от двора бабушкиной пятиэтажки, а покидать двор было строго-настрого запрещено взрослыми.

Местами слетевший покров крыши напоминал о том, что скоро настанет момент, когда лохматый и потрёпанный жизнью старик будет снесён. В зиявшие дыры проваливался мягкий, тёплый свет, в котором летали редкие пылинки.

Стоя на чердаке, можно было разглядывать всё, что находилось вокруг. Женьке всегда интересно было наблюдать за вторым этажом дома, стоя́щего за зарослями кустарников акаций и черёмухи. Тот дом состоял из пяти этажей, как и все высокие строения этого небольшого провинциального городка. Там жил мальчик с красивыми глазами и очень тихой мамой.

Это был не двор, где могла играть Женя, поэтому красивый мальчик совсем не хотел общаться со светловолосой девочкой. Да и к слову, он её не знал.

Вдруг за спиной девчонки раздался шорох. Она застыла и округлила от ужаса глаза.

Глухой незнакомый шорох! На крыше дома, в который никогда никто не приходил на памяти девчонки? Сердечко неистово колотилось. Это не шуршание голубиных крыльев. Нужно немедленно обернуться.

Женька резко развернулась и уставилась в темноту под дырявой кровлей. За спиной ничего не оказалось. Снова воцарилась звенящая тишина, которую нарушали только крики стрижей на улице. Смотреть на мальчика и его маму уже не хотелось. В свете лучей кружилось слишком много пыли, отчего девочка чихнула.

Здесь кто-то был. И было бы хорошо, если бы это не мальчишки из соседнего двора, с которыми Женя так и не нашла общий язык. Ведь они всегда готовы были пожаловаться бабушке или дедушке, что девчонка никак не хочет соблюдать главное правило: «Не уходить со двора!»

Деревянная балка. Два ясных блестящих глаза. Маленькое лохматое существо точно не было человеком.

– Женя-я-я! Давай домой! – глухой голос родной тёти донёсся снизу и нарушил скопившееся напряжение под дырявой крышей.

Каким-то волшебным образом она всегда догадывалась, где искать худенькую путешественницу. И, видимо, на вечерней прогулке решила дойти до здания, о котором ей поведала племянница за пару дней до этого вечера.

На секунду Женька отвела взгляд от существа, чтобы понять, откуда звучит голос Татьяны. Но, вернувшись к тому месту, где только что видела лохматое чудо, обнаружила, что круглые сверкающие глаза исчезли.

«Может, всё же показалось?» – мелькнуло в светлой головке.

Кто же это такие?

Весь вечер и половину следующего дня Женька крутила в своей маленькой голове массу вопросов, ответы на которые не знала, где получить. Спросить у тёти? Достать с этим вопросом бабушку и тем самым дать ей знать, где бóльшую часть времени проводила Женя? Расспросить дедушку и тоже обнаружить свои похождения? Всё не так. Всё это делать было запрещено! В любом случае можно было оказаться наказанной за то, что не соблюдала правила.

На следующий день Женька знала, что ей никак нельзя пропадать вечером, поэтому чердак необходимо было посетить лишь в самое знойное обеденное время. В худенькой груди девчушки зависла тягучая тревога. Любопытно, встретятся ли ещё раз хитрые глазки или это было только бурное воображение маленькой светлой головки.

Крики с улицы тонули меж крон высоких тополей и огромных серых пятиэтажек. Под крышей было душно, но так тихо. Бешено колотившееся сердечко гулко отзывалось прямо в ушах. Казалось, будто совсем рядом кто-то долбит по огромному барабану. Девочка сто-

яла посередине пыльного чердака и вслушивалась в каждое шуршание. Но сегодня не шорох заставил её оторопеть и почувствовать, как перестают слушаться ноги. Она увидела маленькое лохматое существо, выглядывающее из-за балки во весь рост. Удивлённые, часто хлопающие глазки, тельце, покрытое толстым мехом, и маленькие пальчики, постукивающие по сухой деревянной поверхности.

Кто? Откуда? Почему ни в одной книге по зоологии, которые показывал дедушка, не было этого существа? И почему дед, который знал всё-всё на свете, никогда не рассказывал о жителях чердаков заброшенных домов? Неужели он о них ничего не знал?

Маленькие лапки, похожие на человеческие ручки, аккуратно трогали дерево. Яркие синие глазки быстро-быстро хлопали. А мех! Во все стороны, будто он только что проснулся и не успел его пригладить. Как же ему не жарко?

Чудик стал медленно подходить к девочке. На каждое случайное движение он замирал и ждал. Он спокойно наблюдал за реакцией Женьки. Иногда его глазки прятались в хитром прищуре, а мордашка расплывалась в смешной улыбке.

Его пальчики коснулись худенького колена в ссадинах. Женя вздрогнула. В свете солнечных лучей поднялось огромное облако пыли. Глазастый пушистик исчез.

Попытки найти его не увенчались успехом. Нужно было уходить, потому что жаркий обеденный свет начал окрашиваться в красно-розовые закатные цвета. На чердаках время плыло по своему расписанию: то летело как сумасшедшее, то застывало так, что, казалось, будто весь мир уснул.

Женя спускалась по сбитой из мощных брусков лестнице, изредка застывая, пытаясь услышать шорох, но тщетно. На сегодняшний день свидание с неизвестным чердачным существом закончилось.

Для себя девочка решила, что никаких вопросов родным она задавать не будет. Они ей не помогут. А что ещё страшнее – не поверят и будут смеяться. Оставалось мучить огромную библиотеку в комнате тёти Тани. Может, хоть какая-то информация всё же найдётся?

Про мир во всём мире

– Ты зачем сюда ходишь? – промурчало существо.

Нога девочки скользнула с балки, обломок доски сильно оцарапал тощую коленку. Женька ожидала что угодно, но только не осознанную речь от комка меха.

– Тебе больно? – существо заволновалось, подбежало ближе и стало ждать, пока Женя вытянет ногу из досок. – Покажи!

В диком шоке и с гулким звоном в ушах, с давящими слезами и застрявшим где-то в глотке криком Женька вытащила ногу.

– Ну, ничего. Такое мы проходили… – улыбнулся хитрый житель чердака.

– Что значит «проходили»? – передёрнуло девочку от касания маленьких тёплых пальчиков.

– То и значит. Глаза закрой. И молчи… – писклявый приказ был и милым, и каким-то страшным одновременно. – Не дёргайся!

Маленькие пальчики гуляли вокруг раны. Казалось, будто котёнок пытается легонько прикоснуться. То чувство, когда и не дотронулся, но ты чувствуешь. И тепло, как от почти остывшей грелки.

– Ты сюда приходить ещё будешь? – снова этот приказной голос маленького пушистика.

– Я люблю здесь бывать…

– Это я знаю! А приходить сюда будешь?

– Да, пока за мной папа с мамой не приедут, – такое ощущение, будто предыдущим ответом было непонятно, что в это место она обязательно будет возвращаться. – А что?

– Ничего. Глаза открой. Пойдёт? – в головке существа слышалось удовлетворение проделанной работой.

Женя вытерла слёзы, которые уже докатились до подбородка и щекотали, а затем открыла глаза. Это пушистое создание стояло около колена и смотрело на неё. На ноге ничего не было. Даже упоминания о том, что она была почти распорота острым обломком доски.

– Как ты это сделал? – растирая слёзы вместе с пылью чердака, не могла поверить в увиденное маленькая девочка.

– Каком кверху. Кажется, так любят говорить люди. Или нет, волшебство-о-о-о! – протянул пушистик и поднял свой маленький пальчик вверх, а затем громко, насколько позволяло тельце, засмеялся.

– А если честно? – шептала Женька.

– А честно, тебе от бабушки влетит за грязное лицо и одежду. – Развернулся чудик и смешно потопал к свету.

– А кто ты? – безэмоционально бормотала она.

– Слушай, как много «а»… – он упал на свою пушистую попку прямо в чердачную пыль, поднял огромное облако и забавно чихнул. – Садись рядом! Будем слушать…

Женя села. Но аккуратнее, чтобы не поднимать ещё большее облако и не задохнуться в нём. И стала слушать…

В кронах тополей тонули звуки удара мяча об асфальт. Детские крики почему-то казались такими далёкими-далёкими. Какого-то Антона звали домой, потому что он наказан за что-то вчерашнее. Лай беспризорных собак сливался с чириканьем воробьёв. Лучше всего было слышно воркование голубей, которые сидели под той же крышей, что забавный пушистик и маленькая светловолосая девочка.

Эти вечера с пушистым чудиком стали тем, чего сердечко Женьки ждало больше всего. Каждое посещение чердака заброшенного дома сопровождалось безумными историями и

кучей вопросов, на которые был один ответ: «Не задавай вопросов. На одни ты, возможно, получишь развёрнутый ответ, а на другие ты не хочешь его слышать».

Это всегда было непонятно девчушке. Как так? Почему не надо получать ответы на свои вопросы?

– А ведь нас Небо слышит, – как обычно, чудик глянул в щель, где голубел августовский небосвод.

– Откуда ты знаешь? – спросила Женя.

– Опять задаёшь вопросы, – недовольно проворчал чудик.

– Ну, я не могу привыкнуть, что их нельзя задавать! Дедушка всегда отвечает на них! – возмутилась она.

– Я не дедушка. Я рассказываю, а не отвечаю.

– Хорошо, расскажи мне о Небе, – вздохнула девочка.

– Вот, смотри. У тебя есть мечта. Ты мечтаешь дарить людям истинное счастье, но не знаешь, как это делать. Ты об этом обязательно узнаешь, но не сейчас. Небо знает, когда дать тебе возможность дарить. Когда ты сама будешь готова к этому.

– Я хочу сейчас. Мир во всём мире. И чтобы не было убийств, злости, плохого, страшного. – Возбуждённо сорвалась на крик Женька, распугав тем самым голубей, ворковавших в углу чердака.

– Ты не знаешь, чего просишь. Так нельзя. Должно быть и хорошо, и плохо, – пожал маленькими пушистыми плечиками он.

– Но ведь когда плохо, это больно… или страшно, – недоверчиво бормотала Женя.

– Твоя рана – это плохо. Но ты тогда не знала бы, что я умею делать хорошо.

– Мне было бы нормально, если бы я и не знала.

– Может быть… но, смотри…

Чудик коснулся руки Жени. Перед глазами конопатой девчонки встала жуткая картина: толпы голодных, злых людей. Крохотный ребёнок прижимает к груди замученного котёнка. Небо заволочено чёрными тучами. Земля растрескалась. Всё настолько серо, что, кажется, будто в этом мире нет цвета вообще. Слёзы подступили к горлу. Чудик убрал свою ручку. Снова воцарилась тишина чердака, и подвешенные пылинки кружили в лучах уходящего солнца.

– Вот тебе итог твоего: «Всё хорошо».

– Я не понимаю… Как может что-то хорошее привести к тому, что ты мне сейчас показал? – круглые глаза Женьки выражали страх и ужас.

– Людей слишком много для Земли… Всё хорошо для вас, но для Земли – это смерть. Поэтому планета не выдерживает и уже не может подарить человечеству ничего. А ещё, ты никогда не сможешь почувствовать, насколько хорошо пахнут цветы, если не будешь знать запаха болота. В этом вся суть нашего мира – чтобы понять, как тебе хорошо, тебе следует иногда чувствовать боль. И вообще, мы про Небо говорили…

Желания исполняются

Дожди в августе – явление нормальное для этого городка. Холодные, осенние. Ощущение, что скоро приедут родители и заберут домой, в школу, не давало покоя.

– Мы про Небо разговаривали в прошлый раз… – запыхавшись, разворачивала кулёк с оладушками Женя.

– Я помню. А ещё за тобой приедут родители, – уплетая сладкие лепёшки, заявил чудик. Как будто бы ему совершенно нет разницы, будет ли приходить Женя на чердак.

– Откуда ты… – едва не выкрикнула Женька.

– Вопросы, – перестал жевать и вытаращил глаза на девочку чудик. – Научись не спрашивать хотя бы меня. Располагаю информацией и всё!

– Небо сегодня льёт слёзы… кто-то, вероятно, захотел то, что не способно исполнить.

– Оно может всё, если это кому-то надо. Я могу пожелать самолёт. Но он мне нужен сегодня, прямо сейчас, а завтра я о нём не вспомню. Значит, я его не получу, – произнёс чудик и полез за последним оладушком в пакете. – Так со всем. Ты не ведаешь, чего хочешь на самом деле от Неба, поэтому и не обретаешь ничего из всех твоих хотелок.

– Хочу! Я велосипед хочу! – воскликнула Женька.

– Значит, получишь. Ты знаешь, что для этого надо. Но не сегодня, не завтра. На голову тебе велосипед не свалится только по одному щелчку пальцев. Небо испытывает тебя: желаешь ли по-настоящему. И со временем будешь хотеть меньше, а делать для этого больше. Вот тогда Небо и даст тебе его. Только вся разница в том, что ты будешь радоваться за себя, за свои способности, а не за волшебный подарок от родителей и Неба. Это плата тебе за твои действия. И будешь в этом совершенно права: всё, что ты сделаешь, – это твоё собственное волшебство.

– Как заработная плата… – Женя задумалась и уставилась в лужу посреди чердака, которая появилась после нескольких дней августовских дождей.

– Пусть будет так, – улыбнулся чудик.

– Я хочу иначе, как волшебной палочкой, как ты с раной! – возмущалась девочка.

– Я не чародей. И палочки у меня никакой нет, – чудик скомкал пакет от оладушек и запихал в карман на кофте у девочки и нагло улыбнулся. – Мне мусора не надобно. Ни в голове, ни на чердаке.

– Мусор в голове – это как таблица умножения и стихотворение про мишку? Не надо, а в голове… – перехватила мысль Женя.

– Нет. Не так. Мусор в голове – это как опасаться бабайку под койкой.

Уходить не было желания вообще. Хотелось задавать вопросы, но Ноум запретил. На улице до дрожи холодно, хоть и бежать всего через пару дворов. Глубокая тишина и отсутствие людей внушали щемящую тоску. Даже собаки скрылись под лестницами. Улица наконец-то отмылась от пыльной жары и перестала быть серой. Листья стали снова яркие, красивые и тяжело шелестели от ветерка. Дождь закончился, а город подсвечивался алым заревом заката. Следующий день обещал быть жарким.

Я буду здесь, когда ты придёшь

Это была последняя вылазка на полюбившийся чердак в этом году. Родители в дороге и приедут через какой-то несчастный час, а это значило, что до следующего лета Женька не окажется в заброшенном доме. Скрипучая лестница, чердак, солнечные стрелы, впивающиеся в пыль, и маленькие любопытные глазки в тени.

– Расскажи, пожалуйста, о себе! Я же тебя не увижу до лета! – умоляюще глазела на маленький носик Женька.

– Моё имя – Ноум, – сел рядом с девочкой и стал улыбаться чудик. – Задавай свои вопросы. Сегодня я тебе разрешаю.

– Кто ты такой? Я ничего похожего даже в книгах по зоологии в библиотеке дедушки не видела, – загорелись глаза девочки. На ней были короткие шорты и футболка с крохотной дырочкой на боку, которую Женька заполучила, неудачно спрыгнув с дерева во дворе десятки.

– Я кранфур. Точнее… мы кранфуры. – Пушистый друг немного замялся. – Люди, которые нас когда-то встречали, называют чердачными или чудиками. А ещё я долго смеялся, когда меня назвали монстром.

Смешок Ноума забавно и немного зловеще раздался по чердаку, утонув в щелях крыши.

– Так ты не один такой?! Вы все живёте на чердаках? А если дом сносят? А куда потом деваетесь? А откуда появляетесь? – Женька сыпала вопросами, будто у неё заранее был подготовлен список.

– Ого, сколько сразу вопросиков, – глазки кранфура блестели, и он смешно их щурил. – У нас есть свой мир. Как ты понимаешь, никто не должен и не может знать о нём. Наша красивая и тёплая страна – Кранфуриум. Я – единственный живу в вашем, человеческом мире. Меня выгнали из дома за несоблюдение Правил моей страны.

Ноум поведал зеленоглазой собеседнице историю о том, как нарушил Законы Кранфуриума и был изгнан за этот страшный проступок в Мир Людей, где он уже долгие годы проживает один.

Когда-то, много-много лет назад, кранфур в очередной раз решил прогуляться по старым улочкам города, где вспоминал о человечестве и прошлой жизни. По своей неосторожности он повстречался с маленькой рыжей девчушкой. Её копна волос и зелёные огромные глаза заставили пушистика оторопеть. Образ малышки навсегда отпечатался в головке Ноума, отчего находиться далеко от девчушки было в тягость. Именно по этой причине чудик стал частенько наведываться к ней в гости, а со временем превратился в друга рыжей девчонки и одного из её братьев. Пушистик чем мог, помогал ребятишкам, всё своё время проводил с ними и всё реже появлялся в Кранфуриуме, отчего друзья-кранфуры недоумевали. И в один из дней приятель из Мира Солнечных Равнин и мягких холмов сообщил о проступке Ноума Старейшинам. И, отобрав Оганотус, тринадцать белых смотрителей порядка отправили пушистика навсегда в Мир Людей.

Кранфур Ноум с тяжёлым сердцем вернулся в дом малышки по имени Стася, где и остался жить.

А потом в страну пришла война. Пушистый друг находил пропитание для мальчика, который остался один со своей младшей сестрёнкой. Они очень много разговаривали, и Ноум всегда удивлялся, насколько быстро весёлый, умный Лис, как его назвала малышка Стася, стал взрослым и мрачным. Красивые воздушные мечты о дальних плаваниях и морском ветре кареглазого паренька превратились в ожидание очередного куска хлеба для себя и сестры. В один из этих мрачных дней Ноум больше не смог разговаривать с Лисом и попрощался с ним. С этого дня жизнь пушистика крутилась только вокруг рыжей крохи, которая иногда рассказывала о брате. Тяжёлые времена закончились, Стася выросла, переехала в город тополей, её

рыжее облако на голове превратилось в тугую шишку седых волос. Ноум оставался с ней до самого последнего вздоха. Дом не продавался, ветшал, пушистик иногда совершал вылазки на шумные улицы. Однако в остальное время предпочитал предаваться воспоминаниям долгой и мирной жизни рядом с зеленоглазой девчонкой.

Приезд родителей всегда сопровождался слезами, уезжать из этого города домой, в школу, к одноклассникам не хотелось. Единственные друзья – Ленка да Ромашка – всегда бы поняли, если бы она решила остаться у бабушки в городе. Обязательно бы приняли это.

– Не бойся, я буду здесь, когда ты приедешь! – успокаивал мягкий голос кранфура.

– Но я хочу общаться с тобой постоянно, как это происходит здесь. Ты столько интересных вещей рассказываешь, – на глазах девочки снова навернулись слёзы. Друг, который появился этим летом и разговаривал с ней, оставался на чердаке до следующих каникул. – Я привыкла к тебе. Ты мой друг.

– Ну, ну, ну! У нас здесь много пыли, не надо грязь разводить своими слезами! Я буду приходить к тебе там, дома, идёт? – улыбался чердачный житель.

– Это неправда! – воскликнула Женька.

– Верить или нет – это твой выбор, – хитро прищурился Ноум. – Кстати, от конфеты у тебя в кармане я не откажусь.

– Откуда ты… – начала было она, но спохватилась.

– Время вопросов закончилось, – расхохотался чудик и добавил, кивнув головой в сторону кармана: – Фантик у тебя там торчит.

В тишине, которая нарушалась нежным воркованием птиц, друзья сидели под дырявой кровлей и ёжились от прохлады осени, медленно и осторожно шагавшей по городу тополей. Прощаться было тяжело, отчего Женька просто молча спустилась с чердака и рванула к дому, чтобы Ноум не заметил слезинки, бегущие по конопатым загорелым щекам. Но она ещё не знала, что этот странный чудик в курсе каждой мысли и эмоции. Ему также было больно и грустно, что ближайшее время он не ощутит нежное тепло от присутствия живого человека на чердаке.

Дорога домой, как всегда, была мучительной и долгой. От жары к горлу подступала тошнота, отчего девочка почти вылезала в окно и глотала дорожную пыль. Ехали туда, где быть не хотелось совсем.

Голос внутри

«Ты же обещал мне! Приходить во снах! Нельзя обещать и не выполнять этого!» – сидела на уроке рисования Женя и крутила грустные мысли в своей голове. Последняя парта, унылая, мерзопакостная погода за стеклом. Тема: «Как я провёл лето» ввела ещё в большее уныние. Хотелось тепла, запаха старого чердака и маленьких ручек, которыми Ноум трогал, когда пытался встать на косолапенькие ножки. На листе бумаги появлялась синяя речка, ярко-жёлтое солнце, берег с ярко-зелёной травой. Женя не умела плавать и жутко боялась воды, но лето рисовалось в голове только этой картиной. Изображать чердак было как-то неправильно. За собак с рогами уже довелось побывать в кабинете психолога. Женька повторять такой поход совсем не хотела. Все эти «У тебя всё хорошо?», «А одноклассники не обижают?» очень угнетали.

Дорога домой вместе с Леной и Ромашкой всегда была слишком быстрой, и ребята увеличивали длину пути возвращением к школе. «Ром, ты к бабушке или домой?» – вопрос, который нависал над одноклассниками перед развилкой. Здесь было всего два варианта: либо он идёт с Леной, либо с Женей. Сегодня Ромка выбрал путь с Леной. Вздохнув и погрузившись в свои мысли, Женя медленно двинулась к дому.

Ужин, уроки, ночник…

– Зря ты думаешь обо мне плохо, – прозвучал мягкий голос.

Женька оглянулась и попыталась сообразить, откуда раздавались слова. Но ничего не вышло, потому что, казалось, голос звучит отовсюду.

– А зачем ты врёшь? – прошептала девочка, всё так же продолжая оглядываться и искать источник фразы.

– Разве я лгал? – в голосе Ноума слышалось недовольство. – Я здесь! Я же не говорил, когда именно к тебе приду и каким образом.

– А я хотела тебя рисовать сегодня, – мечтательно произнесла девочка, бросив попытки искать его у себя в комнате.

– Смотрю, не решилась. С этими вашими психологами интересно, – хихикнул кранфур.

– Вот потому и не решилась. Я вообще никому о тебе не говорила. Даже Ромашке. Правильно поступила? – ожидая похвалы за сознательность, спросила девчушка.

– Если ты считаешь, что это правильно, так и есть, – по голосу было слышно, Ноум улыбался.

– А если я решу есть землю и не застилать постель? – язвительно спросила она.

– Да хоть на потолке спать. Это же ты решила. Это твоя правда.

– Ну, нет, почему-то же дважды два – это четыре, и если я решу, что будет пять – это ничего не изменит, и у двух мальчиков по два яблока в общем не превратятся в пять! – возмутилась Женька и осеклась, услышав шаги в соседней комнате.

– А ты не трогай то, что доказано, – мягко и спокойно произнёс кранфур где-то в голове у Женьки. – Мы сейчас говорим о тебе, о твоей жизни и твоём поведении. Запомни, Жень, ты поступаешь так, как считаешь правильным, если, конечно, не чувствуешь иное. И когда ты что-то делаешь, значит, только так можешь поступить в этот момент. Поэтому никогда не надо винить за то, что было в прошлом. Ты поступала правильно. Пусть иногда только для себя, а не так, как хотело окружение. Отсюда и фраза: «Сделанного не воротишь».

– Ты всегда прав? – не особо вникая в слова Ноума, спросила Женька.

– В настоящем да, в прошлом иногда делаю что-то не так, как хотелось бы сейчас, – он произнёс эти слова и улыбнулся.

Голос Ноума звучал где-то в голове девочки. Тихий и такой безмятежный. Женя любила разговоры именно за спокойствие, которое разливалось по всему телу с первых же звуков, произносимых маленьким чудиком.

– Но оттого, что ты ошибался, тебе не плохо? Не грустно? – донимала вопросами она.

– Ты снова задаёшь вопросы, девочка, – недовольно фыркнул голос. – Я бы не назвал свои шаги ошибками. Просто сегодняшний я сделал бы иначе. Но вся прелесть прошлых решений в том, что я бы не оказался здесь и сейчас, если бы я их не сделал.

– А как ты думаешь, то из-за чего тебя выгнали из твоего дома – это ошибка? Ты был не прав? – будто не слышала пояснений девочка.

– Считается, что я должен думать, будто ошибся. Но это одна из самых правильных вещей, что я когда-либо совершал.

– Но ведь ты остался без дома, – грустно пробормотала Женька.

– В другом случае я бы остался без тебя, Лиса и Стаси. А ещё без города тополей и чарующего света из щелей потолка. Дом там, где хорошо. Если всё время жить в ощущении, что у тебя нет родного угла – это же с ума можно сойти.

Голос в голове утих, девочка прикрыла глаза. Ей снилось лето, душный чердак, фотографии незнакомых детей и пушистик с синими глубокими глазами. По телу разливалось ласковое тепло и окутывало хрупкое тельце, греющееся под тяжёлым одеялом.

Влюблённость

– Чего опять в слезах засыпаешь? – в очередной раз в голове девочки вздохнул тёплый и спокойный голос.

– А ты как будто видишь! – всхлипнула она.

– Ооо, твои шмыганья носом услышишь, даже если не захочешь. Давай рассказывай.

– Меня мама с папой отругали! – выпалила Женька, и её окатило шквалом рыданий, которые она пыталась спрятать в подушке. – За то, что я влюбилась! Почему-то мама мальчика была счастлива, а мои родители ругались.

Это утро началось, как обычно, с пятиминутной дороги до школы по мёрзлой земле и стучащих каблучков ботинок маленькой Жени. Пройдя мимо первой парты, за которой сидел главный любитель побаловаться – Дениска, Женька поймала себя на мысли, что у него красивые глаза и улыбка. На следующей же перемене она рассказала об этом двум одноклассницам, которые помогли увести мальчишку в раздевалку, где Женька решила ему сказать о своих чувствах и зацеловать. Весь последующий день крутился вокруг этого Дениски. До самого вечера учительница ходила и улыбалась, а девчонки помогали зажать бедного мальчишку за кучами верхней одежды в раздевалке.

Маму мальчика одноклассницы встретили с криком: «А Женя вашего Дениса любит!». Та, в свою очередь, искренне улыбалась и одевала своего пунцового от стыда сына. Женина же мама лишь повела бровью, когда девчонки с той же новостью подбежали к ней. Девочка ждала, что её мама будет также рада и подарит свою редкую улыбку. Но не всё было настолько гладко, как рисовала в своей голове девчушка с двумя бантиками. Дома её ждал ремень и быстрый разговор о том, что в её возрасте любви быть не может.

– А ты знаешь, что такое любить?

– Во-о-от! Такой же вопрос задала ма-а-а-ама-а-а! – слёзы опять брызнули из глаз, и последнее слово девочка проныла в подушку.

– Ну и правильно. Знаешь, сколько существует слов, которые можно подобрать для твоего состояния? От простого «это весело» до «он красивый, поэтому нравится», но не «любовь».

– Ты опять говоришь, как мама! – выла Женька.

– Ну и пусть. Я вообще не люблю ваше состояние «влюблённости». Вы, люди, от него сумасшедшие какие-то становитесь. Вот ты помнишь, что тебе задали сегодня? А что ты проходила по математике? А о чём вы с девчонками болтали? А как хрустела трава со снегом под ногами утром? А воздух! Ты чувствовала, какой чистый воздух и видела, какое ясное небо синело над головой? Вокруг было столько волшебства, которое скроется среди одного лишь воспоминания о мальчишке.

– Это не важно! Важно то, что мама не понимает, как я люблю Дениса! А если это моя судьба? – снова погрузилась в подушку она.

– Вот именно! Всё неважно. А ты помнишь, как этот Денис реагировал на твоё поведение? – недовольно бурчал кранфур.

– Он прятался… Но девочки мне помогли найти его!

Кранфур разразился бешеным смехом. Эти существа знают, что маленькие дети и взрослые люди мыслят одинаково, просто в разных масштабах:

– Значит, тебя-то он не «любит».

– Ну и что? Моей любви хватит на двоих!

– Никогда такого не будет. Ни сейчас, ни в будущем. Тебе будут нравиться мальчики, ты будешь нравиться им, но всё это лишь «нравится».

– Хорошо, а что такое любовь, по-твоему?

– О-о-о-о… Ты ещё не раз задашь себе этот вопрос, – довольно протянул Ноум. – Каждый раз, когда ты будешь сталкиваться с интересом к кому-то, ты будешь спрашивать себя – это ли оно? Но запомни главное… Любовь – это про интерес. Тебе важно будет узнать о человеке всё, что только возможно, без попытки менять его. Ты сможешь существовать без него легко, но не захочешь этого. И ещё один момент – каждый из влюблённых будет желать, чтобы половинка росла и становилась лучше. Много слов можно подобрать, которые описали бы любовь. А Денис завтра уже станет для тебя просто мальчишкой с первой парты.

– А я не хочу, чтобы Денис учился лучше, тогда со мной дружить не будет… – снова отсекла последние слова Женька.

– Вот и я о том же. – Ноум был не рад тому, что девочка пропускала такие важные слова, но лишь вздохнул и продолжил, надеясь, что хоть капля сказанного где-то осядет. – Ты имеешь право на любовь с момента своего рождения. Чем больше любишь этот мир ты, тем легче тебе пустить в своё сердце любовь к себе. В этом вся прелесть истинной любви – жить с интересом ко всему, что составляет твою жизнь, не пытаясь это менять.

– А если я захочу поменять? – зевнула Женя.

– Это не про любовь, это про неудачные попытки разобраться с собой.

– А почему тогда мама была такая злая? Если я имею право любить, – шептала она.

– Родители – обычные люди, на которых возложена одна из сложных и тяжёлых ответственностей – воспитать человека. И у любого из них имеется в памяти определённый комплект инструментов для воспитания. Они так умеют и знают – я объясню это так. Да, жестокость сложно оправдывать, особенно ребёнку, который ещё не сталкивался с тем, что можно в рамках воспитания, а что нет.

– Всегда же можно сначала поговорить, – с каждым словом Женька всё больше расплывалась во сне.

– Можно, Жень. Просто иногда люди могут ошибаться, забывать и даже не совладать с тем, что у них разжигается в груди. А тем, кто сталкивается с таким, трудно потом делать шаг, когда ты не знаешь, провалишься в бездну или встанешь на твёрдую землю, – Ноум зевнул.

Под последние слова Ноума Женька провалилась в сон. Утром маленькая девочка даже не вспомнила, что вчера плакала по тому мальчику, сидящему за первой партой. Симпатичный одноклассник с чёрными глазками опасливо оглядывался на зелёные бантики. Но бантики теперь думали о летних каникулах…

Капля дёгтя в море прекрасного

Весна для этого посёлка всегда приходила внезапным потопом. Реки-ручьи вдоль того, что называется доро́гой, разливались мощным потоком. Дороги были вывернуты огромными валунами на обочины, отчего ходить и ездить по ним было сложно и иногда травмоопасно. Пересыпать глиной переулок было не самой мудрой идеей для этого посёлка. Две колеи посередине. Но дети совсем не обращали внимания на то, что машины застревали, животные пытались обойти мягкие куски грязи дворами. Детям были важны эти сумасшедшие ручьи с щепками-кораблями. Глаза резало от искрящихся солнечных лучей в волнах.

Так начиналась весна Жени. Маленькой хрупкой девочки, чьи руки теперь неизменно были серого цвета и чудовищно шелушились. Тонкие бледные ручки ныряли в лужи и вытаскивали ушедшие под воду лодочки из щепок, а запруды разрушались резиновыми сапогами и длинными палками.

– Как поживают твои корабли? – сквозь сон дорогой голос слышался по-особенному тёплым.

– Представляешь, там был та-а-акой водоворот! И он выплыл! – мигом смахнула с себя Женька дремоту.

– Представляю! – улыбался голос Ноума. – Только меня больше беспокоит, почему в школе снова слёзы?

Переполняющие восторженные эмоции внезапно растворились. В горле девочки застрял комок. Хотелось отвернуться и закрыть эту тему, не начав, чтобы кранфур не слышал, как голос начинает дрожать и сдавливается, будто проглотила кусок липкого хлеба.

– Не хочу, чтобы меня не любили… Я хочу, чтобы я всем нравилась! Чтобы меня считали хорошей! А они… цокают за спиной…

Перед глазами Женьки снова оказалась картинка сегодняшнего дня. Впервые ей не хотелось тянуть руку, чтобы отвечать по уроку. Только она поднималась со своего места, как за спиной раздавались громкие и чёткие цоканья одноклассниц. Звуки перелетали от одной парты к другой и звенели в голове болезненным гулом. Смешки сбивали с мысли, и, кроме как глотать слёзы обиды, Женя больше ничего не могла. В поисках помощи смотрела то на учителей, то в окна, а затем опускала глаза на пальцы с обгрызенными ногтями. Ответа на поставленные преподавателем вопросы не следовало, Женю усаживали на место и продолжали урок, как будто ничего не было.

– Зачем тебе это? – недоумевал Ноум.

– Как зачем?! – вспыхнула от негодования белокурая девочка. – Это же так прекрасно, когда тебя все любят, делятся с тобой и хотят сидеть с тобой за одной партой! У тебя много друзей, и тебе всегда и везде рады! Разве это не классно?

– Нельзя быть хорошей для всех. Здоровье не позволит, да и смысла в этом нет. Если ты будешь переживать о том, чтобы понравиться твоему соседу по парте и учителю на одном уроке, ты превратишься в плохую для многих.

– Вот почему плохой для всех быть можно, а хорошей нет? – вздохнула девочка.

– Здесь ошибаешься. И плохой для всех ты не будешь. Даже если ты самый ужасный человек на земле по критериям окружающих, тебя всё равно будет кто-то любить и считать, что ты поступаешь верно, – медленно рассасывал каждую фразу кранфур, чтобы девочка не пропустила мимо ушей. – Пойми, Жень, если тебе нравится помидор с сахаром, а другого от одного вида выворачивает – это не означает, что овощ какой-то не такой. С ним всё в порядке. Так и у людей: если девочка с веснушками и торчащими ушками не нравится одной однокласснице, то это не значит, что эта девочка плохая.

– Меня не любят девочки, – всхлипнула Женька. – И это не одна девочка, их много!

– Зато у тебя есть Ромашка, родители, сестрёнка, тётя и даже я, – принялся перечислять Ноум. – Зачем тебе куча тех, чьё мнение неважно, если есть хотя бы один человек, которому ты доверяешь? Почему в море прекрасного ты находишь каплю вонючего и с гордостью тащишь это в ладонях и плачешь? Она должна раствориться в море. От неё и запаха не останется, если не обратить внимания.

– Я не думала…

– Самая большая проблема человечества: «Я не подумал», – усмехнулся он. – Уроки в школе – это не вся твоя жизнь, хоть и занимают много времени. Это место, где тебе дают возможность попробовать себя во всём, и в том числе в отношениях с теми, кто тебе также может не нравиться. Кстати, да! Если ты хочешь быть всем мила, то почему тогда есть те, кто неприятен?

– То есть быть плохим – это тоже неплохо? Ну, ведь есть человек, который тебя считает хорошим? – продолжила копаться в своих мыслях Женька, не ответив на вопрос кранфура.

– Любой человек для чего-то нужен, – тяжело вздохнул Ноум.

– И убийца? – встрепенулась Женька.

– Сложный вопрос, Женька. Очень сложный, – тихо пробормотал он.

– Ты не можешь на него ответить? – удивилась девочка.

– На него, скорее, нет истинного ответа, – пушистик замялся.

– Совсем-совсем?

– Совсем-совсем, – повторил за Женей кранфур. – Если рассматривать всё с точки зрения, что нет плохого и хорошего, то ответ один. И он малоприятен для всего живого. Если придерживаться Законов и Правил, а также человечности – ответ совсем иной.

– Это как про букашек. Все букашки важны, все козявки нужны. Даже нудные и гадкие комары. Не существовал бы и мир без какой-то бабочки. Ведь так?

– Именно, Жень. Здесь всё зависит от того, как ты смотришь на Мир.

Всё пройдёт, пройдёт и это

Оставалось всего-навсего полтора месяца, чтобы наконец-то оказаться на любимых душных чердаках. Каких-то шесть недель – и этот жаркий, наполненный машинами и суетой город снова примет в свои объятия маленькую светловолосую девочку. Письма от бабушки уже перестали приходить: она ожидала приезда внучки, а не конверта, в котором корявым детским почерком будет написано «Здравствуйте, баба, дед и Таня! У меня всё хорошо». Ручьи, тёплый ветер и сугробы в середине апреля сливались в одну серую, но греющую душу картину. Впереди итоговые контрольные работы, после которых – дальняя поездка на душной и пыльной красной машине.

– У тебя всегда будут опускаться руки перед каким-то событием?

– Мне страшно! Это же контрольная работа! И от неё будет зависеть оценка за весь год.

– Ох, какая важность… ты о ней забудешь уже через пять минут, как выйдешь из кабинета, – бормотал Ноум.

– Когда это ещё будет! Сегодня вечер надо пережить, и завтра ещё половину дня! – возмущалась Женька.

– А не проще думать, что всё пройдёт? Неприятное обязательно сменяется чем-то волшебным и спокойным.

– Нет! Ты видишь, как у меня трясутся руки? Как я могу думать, что закончится? Если я не напишу на отлично – мне влетит!

– То есть тебе неважно, знаешь ли ты математику или не знаешь, тебя волнует, достанет ли мама плётку? – спокойно спросил у неё кранфур.

Девочка не нашла что ответить. В голове шумели мысли о том, что она не помнит столбик таблицы умножения на шесть и семь. Что в тетради может оказаться оценка ниже пятёрки. Что зелёная плётка снова будет снята с вешалки в прихожей. Она знала, что важнее для неё, а что не играет никакой роли, но озвучивать все свои мысли ей казалось каким-то неправильным. Не потому, что кранфур был прав, а потому что, по её мнению, причина должна была быть не в плётке, а в оценке.

Глубокая ночь не давала уснуть, на соседней кровати мирно сопела маленькая сестрёнка.

– Женя… всё пройдёт! Завтра в обед ты уже забудешь об этом волнении, – его голос доносился тихо и монотонно. – Я понимаю, что трудно совладать с чувствами и для тебя это действительно важно. Но запомни: к сожалению, очень мало на нашей планете вещей, которые долгое время остаются важными. Когда-то ты будешь стоять перед более страшными ситуациями, и контрольная по математике покажется тебе мелочью. Запомни: чем больше ты волнуешь себя, тем сильнее отталкиваешь то, что тебе нужно. Потри подушечки больших пальцев – успокоишься…

– Ноум, а если плохое проходит, это же значит, что и после хорошего наступает что-то неприятное? – пыталась отвлечь себя от мысли о предстоящем дне Женя.

– Всё проходит, Женёк, – усмехнулся кранфур. – Но это не значит, что надо сидеть и ждать. В неприятные моменты искать хорошее внутри себя, а в хорошее время – наслаждаться и запасаться. Для глубокой и широкой жизни всего лишь нужно жить. Раны заживают, день рождения заканчивается, но ты со своими чувствами остаёшься.

Следующий день школьница заканчивала с довольной улыбкой на лице. Контрольная была написана на отлично, а это значило, что и дневник теперь украшала пятёрка в графе, где числились годовые оценки.

Минута длиною в вечность

Этот день всегда сопровождался особым настроем. В груди колотилось маленькое сердечко, по телевизору показывали бабушек и дедушек, которые со слезами обнимали друг друга. Почему всё это происходило, рассказывали мама и папа, бабушки и дедушки, а также учителя в школе, но в маленькой головке не укладывались картины, которые происходили много лет назад, ещё до появления на свет белокурой девочки с зелёными глазами. Дедушка частенько подсовывал Женьке книги из библиотеки, в которых были описаны события тех лет.

Самое страшное в этот день было оказаться перед бабушками и дедушками, которые уже не могли стоять, в минуту молчания. Слёзы начинали душить, сказать или спросить что-то у рядом стоя́щих родителей не поворачивался язык.

Центр посёлка. Монумент павшим солдатам перед спортивным залом, где дедушка проводил тренировки по шахматам и теннису, оградка вокруг него и прилегающих длинных клумб с искусственными цветами в затянутой мелкой травкой земле. Вдоль этих гряд с цветами шагали ребята постарше с повязанным на шее красным галстуком. Они доходили до памятника, поднимали руку к голове и сменяли стоявших там коллег. Разворачиваясь к выходу, мальчишки и девчонки в белых рубашках, чёрных юбках и брюках цеплялись взглядом за стариков, сидевших на самодельной лавке. Ветераны будто не наблюдали за происходящим – они тонули в своих воспоминаниях под фронтовую музыку и рокот голубей на крыше спортзала. Тонули, вздыхали и плакали.

Почему так происходило? Никто не мог объяснить… Женька ничего, что сейчас всплывало в памяти седых стариков, не видела. Над её головкой всегда было голубое и чистое небо. Истории о таких же, как она, детях нельзя было прочувствовать настолько, чтобы поверить в это… Но сверкающие слёзы, которые появлялись в эту минуту на ресничках, – были самые настоящие.

– Ноум, почему так происходит? Ведь я даже не знаю бабушку, на которую смотрела, пока тикали часы, – лежала в постели Женя и пыталась осмыслить происходящее днём.

– Это происходит, потому что ты человек. Маленький, понимающий ещё не всё, но человек. В тебе, как и в большинстве окружающих, живёт это существо по имени «человечность», которое заставляет тебя чувствовать жалость, сочувствие, понимание, соболезнование. Поверь, через несколько лет увидишь, как мало этого останется в окружающих. Ты будешь видеть тех, кто будет смеяться в минуту, в которую провалилась сегодня.

– Ты правильно сказал: провалилась. Перед этой минутой рассказывали вещи, которые я не знала. Страшные вещи. Бабушка та сильно плакала. А в тикающую минуту молчания слёзы закрыли мне глаза, и я это видела, как по-настоящему…

– Люди… Твой народ впитал и боль, и радость так, что они прошли не одно поколение и снятся даже тем, кто только картинки в книжке видел. Боль позволяет нам понять, что мы ещё живы, а также ценить данное нам.

– Только помним мы больше страшное, а не радость. Мне хочется взять и отключить память, как свет в комнате. Чтобы не было того, что рассказывают взрослые. Чтобы снова не переживать то, по чему плачут бабушки и дедушки, вернувшиеся с войны, – шептала школьница.

– А это сущность человека. Боль имеет глубокий шрам. Ни один народ-участник не вдаётся во все эти воспоминания, как русский. Потому что вам больно в несколько раз сильнее. У них другая история, которую они сами писали. Они не несут это сквозь годы, потому что им не так глубоко резанули.

– А зачем нам её помнить? Боль эту? Зачем мы должны «болеть» ею?

– Чтобы быть человеком. Ты любишь весну? А без холодной зимы ты бы не чувствовала особенного запаха счастья… Или, смотри: ты заболела. Всё было нормально, а потом нос не дышит, горло болит и температура. И вдруг ты понимаешь, что твоё «нормально» было самым прекрасным состоянием. То же и здесь: пытаясь прочувствовать то, что творилось тогда, мы как бы переносим ценность жизни из состояния «нормально» в «прекрасно», понимаешь? – попытался объяснить Ноум.

– Вроде понимаю… Но у меня один вопрос. Почему нельзя было договориться? – вдруг подскочила на кровати Женька. – Они же взрослые люди, умные. В любой ситуации можно поговорить, разве нет?

– Понимаешь, те люди, что руководят целыми странами, не многим отличаются от простых рабочих заводов и даже учеников в твоей школе. Всегда есть те, у кого в голове одно, а на языке другое. Всегда есть те, кто пытается докричаться, но его не хотят слышать. А ещё есть те, кто давно уже не может думать сам и действует под чью-то дудку. Всё, как в обычной жизни. Есть подлость, злость и нетерпимость.

– Они не смогли, а мы несём эту боль, – девочка устало опустила голову на подушку и закрыла глаза. – Ведь не было ни одной семьи, в которой кто-то, да не погиб. Разве это честно?

– Не пытайся искать справедливость в Мире Людей, – грустно вздохнул Ноум. – Любая война заканчивается переговорами.

– Но ведь это могут быть переговоры на полностью выжженной земле, – испуганно бормотала девочка.

– К сожалению, – тихо ответил кранфур.

– Это больно и страшно, – кинула Женька и зарылась в подушку.

Женька и её собственная книга

Расцветала первая черёмуха. Запах стоял в воздухе такой, что кружилась голова и к горлу подступала неприятная тошнота. Но хотелось прыгать и очень громко кричать! Ромашка шёл рядом и улыбался. Он всегда улыбался, его русые, неизменно отросшие волосы и улыбка от уха до уха были главной отличительной чертой этого замечательного мальчишки. Друзья только что отдали учебники в библиотеку, где строгая библиотекарь пожурила Ромашку за потрёпанные книги и обещала в следующем году выдать самые-самые неприглядные. Отметила в картонных карточках и отпустила домой.

Почти пустые, неаккуратные сумки висели на плечах детей, неторопливо шагавших в сторону домов. За этот год Женька уже не один раз пыталась зашить свой рюкзак, который к каникулам превратился в нечто с торчащими нитками, оторванными и завязанными на узел лямками. Ромашка же уже давно перешёл на пакеты, потому что от его синей сумки ничего не осталось.

Впереди каникулы. Оценки выставлены. Оставалось дождаться выходного дня, и старый город вновь примет маленькую девочку в свои объятия. Ромашка будет учиться ещё до конца мая, а трое из их класса с завтрашнего дня уже перестанут думать о контрольных, дневниках и уроках. Целых три месяца без звонков, неудобных бантиков и домашних заданий, которые доводили всю семью до бешенства.

– И чем ты будешь заниматься эти дни?

– Ой! Я столько могу успеть! Я буду рисовать сколько мне хочется, гулять, пока не устану, и начну свою книгу!

– А когда у тебя были уроки, ты не могла этого делать?

– Ну как же я могла это делать, если надо было учить домашнее задание? А днём эти тоскливые уроки.

– Не хочу тебя расстраивать, но гулять тебе не с кем… Они-то продолжают учиться, – с улыбкой произнёс Ноум. – О чём ты хочешь написать книгу?

– Про компанию друзей, которые найдут машину времени и будут кататься в разные годы! Это же так здорово – попасть в прошлое или будущее. Помнишь, как в книжке про Алису? Вот она из будущего, а Коля из прошлого. Это же так интересно! – восторженно рассказывала Женька.

– А ты понимаешь, что тебе надо будет изучать много-много истории, чтобы описать что-то в прошлом? – спокойно поинтересовался кранфур.

– А они будут больше в будущее летать! Там только придумывать надо, а не учить…

– Ну, хорошо. Посмотрим, что у тебя получится, – довольно пробормотал Ноум.

– Ты думаешь, я не смогу? Я не напишу свою книгу? – обида обожгла грудь девчонки.

– Если ты веришь, у тебя всё получится. Главное, не терять эту веру, иначе всё рухнет. У вас, людей, сильно развито влияние мыслей на жизнь… До конца знать, что у тебя получится.

Глаза девочки слипались, в голове роились картинки из будущей книги, в которой такие же дети, как она, строили свой штаб на дереве и планировали полёты в далёкое будущее со снующими в небе машинами и странными существами с других планет.

Главное – верить, главное – знать, главное – видеть цель и ползти к ней…

Город Тополей

Четыре часа. Пыль. Встречные незнакомые автомобили. Открытые окна. Горячая вода в пластиковой бутылке. Долгожданное путешествие в город детства. Такой большой для школьницы Женьки и такой маленький одновременно. Запах тополей, трель стрижей под самым небом и тёплый асфальт. Второй подъезд, его запах и долгожданная дверь со звонком, который издавал трель какой-то неизвестной Жене птички. Шаркающие шаги за этой дверью, два оборота замка и улыбающаяся бабушка, пятящаяся назад, чтобы пропустить долгожданных гостей. Всегда бескомпромиссное «Пойдёмте есть! Вы с дороги!» и приятный запах бабушкиного «зелёного» супа. В нём всегда плавали ошмётки яйца, о котором с особым теплом Женя будет вспоминать когда-то в будущем, но не сейчас. В настоящий момент этот суп казался неприятной «визитной карточкой» бабушкиного стола. Если сейчас не съесть, то всё содержимое тарелки, по словам бабушки, могло оказаться где-нибудь на голове, чего совсем не хотелось. Она всегда обещала вылить его за шиворот либо отправить девочку с тарелкой в туалет, но ни разу не осуществила этого. Лучше было доесть всё до конца, нежели узнать, сделает ли улыбающаяся бабушка то, о чём она постоянно твердит.

Однако, ещё не посетив кухню, Женька бежала в комнату с библиотекой во всю стену. С полок смотрели тома с неизвестными фамилиями и странными названиями. Ничего не изменилось: всё так же на верхних полках стояли красивые, почти новые книги, а внизу зачитанные до дыр детские книжки, которые уже и стоять-то не могли, лежали и выглядели так жалостно, что их хотелось прижать к себе. На шестой полочке отсутствовала часть книг, и на этом месте ютился телефон, на котором была наклеена бумажка с номером. Пять цифр, которые Женька, кажется, запомнит на всю жизнь – четыре, пятнадцать, сорок пять.

После обеда девочка снова шмыгнула в комнату с полками. С прижатой к маленькому сердечку книжкой Женя вышла провожать родителей. Она оставалась в своём любимом и счастливом мире. Сестрёнка махала рукой и прижималась к маме и совсем не хотела, чтобы её оставили здесь. Домашний ребёнок, как любила называть её бабушка и папа.

Первый побег на любимый чердак состоялся этим же вечером.

– Я так счастлива тебя видеть! – почти кричала Женя в большие ушки зажатого в крепких детских объятиях кранфура. – Ты ждал меня?

– Поставь меня на землю, я высоты боюсь. Конечно ждал! Кто мне оладушки принесёт ещё? – прижимая посильнее огромные ушки к спинке, бормотал Ноум.

– Ой… – испуганно округлила глаза девочка.

– Как это «ой»? Ты не принесла волшебные пирожки или оладушки бабушки? – залился хохотом пушистый житель чердака.

– Я так рада, что я снова здесь… – выдохнула девочка и добавила: – Бабушка не пекла оладьи сегодня. Она только суп зелёный готовила. Мы же только приехали в обед.

Сегодня не нужно было слов. Они сидели и смотрели на кружащие в воздухе пылинки. Двое были самыми счастливыми созданиями во всём этом мире. Над головой, как обычно, слышалась трель стрижей, крики детей, удары мяча об асфальт, сердитые приказы мам с пятого этажа и громкий смех мужиков, которые вышли покурить и обсудить что-то взрослое и неважное для маленькой девчонки.

Цветочки сирени

– Мы сегодня ездили на дачу. Ты знаешь, там так красиво цветёт белоснежная сирень! Я никогда в жизни не видела такой. В нашем посёлке подобные не растут. А, может, растут, но я не видела, – ворковала Женька. – И я отыскала соцветие с пятью лепестками. А ты знаешь, что, если загадать то, что ты хочешь, и слопать цветочек – желание исполнится?

Глаза Жени блестели. Нечасто можно было раздобыть такой заветный цветочек и получить надежду на исполнение самого сокровенного желания.

– И ты в это веришь? – Под сводом дырявой крыши прокатился добрый смешок кранфура.

– Ну, вот у Тани же сбылось, после того как она съела его! – в зелёных глазках Женьки засверкали искорки негодования на столь странную реакцию её друга.

– Ну, хорошо! Пусть и у тебя исполнится, – улыбнулся чудик и подмигнул своим огромным глазиком. – Ты же в это веришь! Это самое главное. А что загадала такого?

– Запрещается говорить, а то не исполнится! Разве ты этого не знал? – удивлённо подняла брови девочка.

– Ой, точно. Забыл, – прошептал почти под нос себе пушистый. – А скрипящие качели у дороги дедушка смазал?

– Да, смазал. Но, кажется, столбы в земле сгнили. Теперь всё это сооружение болтается, если сильно раскачиваться. Но мне не страшно. Я качалась на них, – довольно промолвила девочка.

– Ну да, ты ж храбрая, – разговор сегодня ни к чему не вёл, он был в курсе, что Женя хотела бежать во двор, к тем, кто весь день строит штаб. – Ты, по-моему, не хочешь беседовать.

– Да… просто, – замялась девочка и стала разглаживать складки на своих шортах и пытаться оттереть въевшуюся грязь с залома ткани. – Там… пацаны…

– Сколько можно тебе объяснять, что тебе следует делать то, что хочешь? Всем будет хорошо от этого – и сама счастлива, и меня мучить своим напряжением не будешь. А бабушка сейчас пойдёт выносить мусор, и, если не найдёт тебя во дворе, поднимет на уши всех.

– Бабушка – мусор? Так Таня же выносит, – удивилась Женя.

– Таня ушла гулять.

– Откуда ты…

– Ты уже задавала этот вопрос год назад, – снова засмеялся Ноум. – Старайся не допытывать то, что тебе не хотят говорить. Пусть это останется на совести не сказавших.

«На совести не сказавших…» сейчас эта фраза казалась какой-то бессмысленной, непонятной. Женя тащила две ветки тополя, обломанного ещё вечером прошедшего дня разбушевавшимся ветром. Раскрывшиеся коробочки пуха оставляли за собой длинный пушистый след вперемежку с пылью.

Синяк под глазом обидчика

Это утро началось как обычно. Девочка вышла во двор пятиэтажки по улице Гоголя. Бабушка Стеша из первого подъезда подмазывала ствол деревца известью и постоянно искала глазами своего правнука, изредка выкрикивая «Вита-а-алик!». Мальчишка из третьего подъезда стоял с коляской, в которой тихо посапывала малютка Катя, и ждал свою маму, чтобы пойти на рынок. Через некоторое время, пока Женька лазила по детской площадке, двор совсем опустел. Но из того подъезда, откуда некоторое время назад выходи́ла мама Кати, послышались шаги и оглушительные голоса мальчишек с третьего этажа.

– О, деревня на улице! – хохоча и кидая злобный взгляд, громко, чтобы все слышали, проговаривал тот, что помладше.

Женя глянула в сторону подъезда. Её сердечко начало бешено колотить изнутри по рёбрам. Под козырьком стояли двое парней. Пухлый, черноволосый Димка, который был чуть младше Жени, и его старший брат – Лёшка, высокий кудрявый парень с добрыми глазами. Алексей попытался защитить девчонку, но его младшего брата было не унять. В руках ехидно улыбающегося мальчишки оказались маленькие камешки с края дороги, отделяющей дом от двора. И эти камушки полетели в сторону железной лестницы, со звоном отскакивая от неё. Девочка стремительно слетела с перекладин и побежала к огромной куче камней, привезённой буквально на днях к соседнему двухэтажному дому, чтобы поскорее спрятаться от града свистящих снарядов.

В одно мгновение Лёшка оказался на стороне худенькой Женьки. Димка пускал целый дождь из огромных камней. Два из них прилетели по ноге девочки, отчего она хотела выть, но лишь с особым ожесточением стала швырять камнями в ответ.

– Ты обижена, – заглядывая в зелёные глаза Жени, заявил Ноум.

– Видишь сам! – воскликнула от удивления собеседница.

– Поведай, почему?

– Может, посидим и помолчим?

– Ну, сначала расскажи мне всю историю, а потом посидим, поплачем и будем дуться. – Чудик взобрался на балку и уселся рядом, щекоча мехом саднящее красное пятно.

Женя махнула грязной рукой по мокрой щеке. Во всю конопатую мордашку теперь красовалась серая, мутная полоса из слёз, чердачной пыли и обиды на весь свет. От щеки до самого уха.

– Я не понимаю, почему он не захотел разбираться? Почему наказал того, кого проще всего? – Слёзы начали катиться по лицу. В уголках рта Женя ловила их языком, а с носа вытирала рукой. – Ты же знаешь Димку, а брата его – Лёшку? Кудрявый такой, с синими глазами. На третьем этаже живут в соседнем подъезде. Помнишь же? Знаешь?

Женя в упор смотрела на Ноума и ждала хоть какой-то реакции. Он должен знать. Пушистый улыбнулся и еле качнул головой.

– Да даже если не знал, теперь знаешь! – школьница подскочила с балки, чуть не уронив своего друга, и, резко повернувшись, вскинула руки к дырявой крыше чердака и почти прокричала: – Он назвал меня деревней! Дурой длинноногой! Ну я и схватила камень… И Лёша тоже.

Произнося последние слова, Женя села на карачки и обняла свои побитые коленки и снова заплакала. Гнев на слова пацана из соседнего подъезда сменился всё той же разрывающей бессильной обидой.

– И Лёшка попал в глаз своему младшему брату, – закончил за подругу кранфур.

– Ага, – прошептала девочка. – Ты видел, как заплывает глаз? И одновременно синеет сразу? Я теперь и это наблюдала.

– Обиделась на него? – сощурился чудик и склонил свою пушистую головку к плечу.

– Знаешь, нет. Не на Димку я обиделась, а на дедушку. Я невиновная. – Она спряталась между коленей и сквозь всхлипы продолжила: – Он стоял с ремнём и кричал на меня. Он никого не слышал. Он… он приказал просить прощения.

– Ты попросила? – сочувственно спросил Ноум.

– Да.

Тощие плечики вздрагивали от всхлипов, а на полу от капающих слёз пыль скатывалась в мокрые чёрные шарики.

– Вот скажи мне, Ноум, – наконец-то успокоившись, прервала молчание Женька, – почему я не смогла ему ничего сказать?

– Потому что боялась, – обнял холодную ручку кранфур.

– Но ведь мне всё равно попало, какая разница за что уже?

– Ты надеялась, что уйдёшь от этого наказания, если примешь всё таким, каким это видит твой дед. – Ещё крепче прижался Ноум к руке, чтобы хоть немного согреть своим теплом девочку. – Бывают такие люди, у которых уже сложилось своё объяснение ситуации и итог. Например, как у твоего дедушки. Он изначально хотел устроить наказание на глазах тех, кто по его мнению выше статусом, чем маленькая конопатая девочка.

– То есть что бы я ни сказала, ничего не поменялось бы? – Ответ она не ждала, потому что прекрасно понимала, что озвучила уже его в вопросе.

– Многие вещи, которые творят люди, – это не про тебя, а про них.

– Но битой от этого быть не хочется, – буркнула девочка. – Он злой, а нога теперь болит у меня.

Почему дедушка не разобрался?

Скрипящие под ногами ступеньки. Деревянная лестница на чердак. Балка. Тёплая пыль. Звук удара мяча где-то во дворе раздался под крышей. Побитые ноги ныли от тягучей мерзкой боли, отчего девочка иногда морщила свой конопатый носик и тяжко вздыхала.

– Ну что, твой друг всё ещё красуется с фонарём? – почти хохотал кранфур из угла.

– Ага, над ним весь двор смеётся, что его девчонка побила, – улыбнулась Женька.

– Жень, а как думаешь, ты права? – голос Ноума вдруг стал строгим.

– Конечно! Я ж прямо в него не бросалась. Я кидала в сторону. Чтобы хоть немного его напугать. Просто один камень отскочил, и, причём, не мой. Только он этого не видел. Знаешь, сколько камней прилетело мне по ногам? Во-о-о-от. А никому же ничего не объяснишь, все же видят синяк под глазом только, а на ногах что? На ногах они появляются у каждого по десять штук за всё лето.

– Кидать камни вообще плохая идея с самого начала была, тебе не кажется? – кранфур тронул побитые ноги девочки.

– Я знаю, но я не могла ничего сказать от злости. В этом дворе меня все и так считают деревней. И дружат со мной только некоторые мальчишки. Вон, Лёшка со мной постоянно проводит время.

Женя поджала губки и готовилась уже зарыдать. В зелёных глазках стояли слёзы, но девочка боялась моргнуть, чтобы капли не «развели мокроту» на крыше этого тёплого чердака.

– Так тебе обидно-то отчего было? От поведения деда, который никогда на тебя не кричал раньше? Оттого, что бабушка не смогла тебя защитить? Или оттого, что какой-то Димка обозвал «деревней»? – кранфур с видом профессора заложил лапки за спину и отошёл к дыре в крыше, через которую весело заглядывало вечернее солнышко.

– А я не знаю… Дед не разобрался… Димка кидал и даже не смотрел… Всё вместе.

– И всё же… – вопрос застыл в тёплом воздухе и давил на виски с такой силой, что хотелось кричать. Перед глазами снова стоял дед с его ремнём, за его спиной улыбающийся Димка с чёрным фингалом, испуганная бабушка и злющая, с страшным оскалом на лице, тучная мама Димки. Где-то в коридоре стоял Лёшка и лишь всхлипывал временами.

– Почему он не разобрался… – глаза уставились в пустоту, разделяющую её и кранфура. – Знаешь, у меня ощущение, будто всё раскололось надвое. Был тот дед, который вечером надевал очки, читал газету и рассказывал мне самые невероятные вещи из нашего мира. А тут вдруг р-р-раз – и его нет. Он будто есть, но его нет. Был дед, к которому я хотела приходить на кухню, пока он рвёт газету и рассыпает табак, а теперь есть старый мужчина, с которым мне даже не хочется молчать в одной комнате. Как будто я что-то потеряла.

Слёз уже не было. Димка такой же дурачок, как и она, стал сразу хвататься за первое, что попало под руки. Его мама – всего лишь защищала того, кого любит слепо и без разбора. Лёшка не мог пойти против мамы и какого-никакого брата. А дед… этот мужчина в одночасье стал чужим и холодным.

Ноум сидел рядом и готовился уже было заговорить о том, как люди переживают предательство, но, глянув на облако мыслей, вращающееся в головке его подруги, решил оставить этот разговор на будущее.

Сложности выбора

– Слушай, Ноум, почему выбирать всегда так трудно? Даже между картошкой с подливом и супом с галушками. Я выбираю всё вместе и не справляюсь с этим. Почему я не смогла выбрать только одно? – Ковыряя ложкой мягкий варёный лук в недоеденном пюре, прошептала сидящему рядом с ней пушистому другу Женька.

– Потому что пути назад не будет, – Ноум облизнул пальцы после неудачной попытки подержать конфету без шуршащей обёртки.

– Так, я же могу отдать свой суп тёте прежде, чем начать есть! – лениво произнесла Женя.

– Так, получается, ты выберешь картошку тогда, – непонимающе бросил взгляд на девочку чудик и резко сменил свой удивлённый вид на заинтересованность хрустальной вазочкой, стоя́щей недалеко от злополучной порции пюре. – А вообще, люди боятся делать выбор, потому что изменить ничего нельзя уже будет. Ты будто касаешься ручки двери, а вторая или даже несколько других превращаются в дым. А пока ты не выбрал, у тебя куча вариантов. Приятно же смотреть на все эти варианты и думать, что это всё может быть твоим.

– Но они же не твои…

– Правильно думаешь, Жень.

– А если выбрал не то? Ты же не сможешь вернуться и выбрать другое. Ну вот представь: стоят три двери. За одной я счастливая художница, у которой по всему миру выставки. Я постоянно путешествую и всё время улыбаюсь, но стоит это для меня, например, хороших друзей и близких рядом. А вот вторая дверь, где девочка, которую ты знаешь, стряпает вкусные пирожки, варит борщи и кормит кучу маленьких ребятишек. Она тоже счастливая – ей это нравится, она тоже улыбается. Но для этого есть своя плата – мечты о кистях и своих книгах остаются мечтами. – Женя вздохнула.

– А третья дверь – это попытка объединить предыдущие две? – захохотал кранфур.

– Нет. Третья дверь – это подъём в одно и то же время, зарплата каждый месяц. Всё понятно, всё удобно и по плану.

– Я так понимаю, ты бы не выбрала третью дверь, да?

– Не-а, – запихав последнюю ложку с картошкой в рот, промычала девочка. – Но я тебе скажу больше, я бы не выбрала ни одну из этих дверей. Это большая и глубокая жизнь. Чем шире она у тебя – тем счастливее ты себя будешь чувствовать. Девочка с пирожками всегда может взять кисти и начать писать картины. Насколько ей захочется раскрыться в этом, настолько она и добьётся признания. А, может, откроет для себя, что это совсем не её путь. Ты всегда можешь выбрать что-то одно, добавить другое. Или вообще решить, что кисти и картины надоели и посвятить себя семье.

Умение прощать – нелегкая задача

Безумная жара плавила чёрный асфальт. Собаки растекались под кустами акации и страдальческими глазами следили за женщинами, несущими сумки, содержимым которых забьют свои холодильники. Одни снова будут размораживать морозилки, потому что льда в них больше, чем съестного наполнения. Другие уже сегодня приготовят большой и вкусный ужин. Бабушка и дед были на работе, Татьяна снова где-то отсутствовала. Во дворе стояла необычная тишина. Женя провернула ключ с брелоком-лисёнком два раза против часовой стрелки, шустро пролетев семь ступенек, разделяющих её и духоту, побежала на ту улицу, к тому самому дому. Раскрасневшаяся, мокрая, она встала перед лестницей на чердак, чтобы дать привыкнуть к темноте глазам. Как только стали видны кривые перекладины лестницы, цепкие руки подняли запыхавшуюся девочку наверх. Под крышей было душнее, чем на улице. Тишина знойного дня давила на уши. Женя несколько раз сглотнула, чтобы убрать ощущение заложенности, но это не помогло…

Под крышей было тихо.

– Ноум? – с удивлением стала осматриваться девочка.

В дальнем углу раздался шорох.

– Иди сюда, – послышалось оттуда.

Женя шагнула в темноту и с удивлением обнаружила, что с каждым шагом становилось прохладнее и свежее.

– Вот тебе не сидится дома в жару, – возмущался кранфур.

– Сиделось бы, если б дома было хотя бы свежо, – засмеялась девочка.

– Ну, на реку бы пошла, – продолжал предлагать Ноум.

– Мне запретили без взрослых, ты ж должен знать. Я сегодня быстро. Вечером мы поедем с ночёвкой на дачу, когда бабушка придёт.

– Вот как… – посмотрел на Женю чудик. – И о чём же ты хотела «быстро» поговорить?

Он выделил это слово с особой брезгливостью. Быстрые разговоры были не такими глубокими и казались пушистому существу ненужными и не такими важными.

– Неужели существуют люди, которые не умеют просить прощения? – задала тему для болтовни девочка.

– О! И ты думаешь, это тема для «быстрого» разговора? – его глаза расширились так, что казалось, будто на его мордашке кроме них больше и нет ничего.

– Ну… наверное, – спрятала зелёные глаза Женя.

– Да, ты встретишь на своём пути не одного человека, от которого никогда не услышишь «прости». Они не умеют это делать… Не страшно, потому что ты почувствуешь, что они неправы и понимают это. Страшнее, когда люди не умеют прощать…

– Я, наверное, не умею прощать, – нахмурилась девочка.

– Ну да.

– И это правда ужасно?

– Очень.

– Чем же это страшно? Это ж, наоборот, должно быть хорошо – человек, сделавший что-то плохое мне, исчезнет, и я не буду на него отвлекаться, – довольно замахала руками Женя.

– А что внутри останется? У тебя внутри. Не у человека. А если он случайно сделал плохо? Не намеревался, но так вышло. А теперь представь. Вот разозлилась ты на Димку, обиделась на Лёшку, презрительно относишься к маме их. И всё это помнишь долго. Даже постоянно, – Ноум хитро глянул на Женьку. – А через десять лет они забудут о тебе. Навсегда. Вообще! А ты будешь помнить, потому что не простила, сохранила. Тебе оно надо? Таскать за собой такие тяжести.

– Я побегу, Ноум. Баба должна вернуться, – в мгновение Женька сорвалась с места и провалилась в отверстие в полу чердака.

Ноум вздохнул и прикрыл глаза.

Склад былых обид

Тёплый вечер ласкал пахнущую листву тополей. Накупавшись в реке Уде и отмыв дачную пыль, Женька, не заходя в квартиру, побежала к дому с чердаком.

– Ноум, как ты думаешь, я прощу Димку? – решила продолжить прошлый разговор она.

– Не-а, не простишь. Не умеешь, и долго не будешь уметь отпускать обиды.

– То есть я – плохая? Я злая? И все обиды будут храниться у меня где-то внутри? – заваливала своего собеседника она вопросами.

– Как ты точно описала себя, – чудик засмеялся и коснулся рукой колена девочки. – Из-за того, что ты не умеешь прощать безразличных тебе людей, будешь хранить каждую обиду внутри. Эти обиды будут складываться внутри, слёживаться и черстветь. Они будут превращаться в тяжёлые камни, а тебе всегда придётся носить их с собой, потому что ты не умеешь чистить, прибираться там внутри. Помнишь, как тебе Таня сказала про твоё злопамятство?

– Это ты про то, что мимо воняющих обидчиков надо проходить? – Женя засмеялась, но её маленькая головка уже сейчас понимала, что не может отпустить эти пока ещё лёгкие и несвалявшиеся камушки, лежащие на дне её маленькой души.

– Да, да. Но с тобой всё нормально, ты, главное, это помни! Ты неплохая и не злая. Но себя пытаешься отравить. А знаешь, что самое неправильное?

– И что же? – уставившись в облако пыли в центре чердака, поднятого испугавшимся крика с улицы голубем, спросила она.

– То, что ты хранишь обиды, которые нужно рассыпать и отдать ветру. Назову их «неправильными», чтобы тебе было немного понятнее. Это обиды от тех, кто тебя уже завтра не вспомнит. От людей, которые, скорее всего, в твоей жизни не встретятся. Ты же простила Лёшку? – непривычно быстро бормотал Ноум.

– Да… но я же это не забуду? – нахмурилась девочка.

– Нет, ты это никогда не забудешь, но обиды у тебя уже не будет, – кранфур пожал плечиками. – Она будто превратится из красного воспоминания в что-то более нейтральное. Например, в зелёное или голубое. Такое, которое не будет выбиваться среди кучи твоих залежей памяти.

– А есть правильные обиды и неправильные? – такого девочка ещё не слышала и не могла даже представить, как это «правильно» обижаться, а как «нет».

– Это я сам придумал, чтобы тебе было понятнее. На самом деле привязывать к чувствам слово «неправильно» это немного грубо и… неправильно, – засмеялся маленький чудик и подмигнул своим огромным синим глазиком. – Вот смотри… Терпеть и носить в себе обиду на человека, который наступил тебе на ногу в автобусе, – это неправильно, прям как оставить косточку от курицы на столе на всю оставшуюся жизнь просто, чтобы она там лежала. Проще было накормить кошку, а ты не отдала. И кость начала вонять. Кстати, кошек кормить костями куриц нельзя. Но вернёмся к обидам. Так вот, есть такие, которые должен почувствовать тот, кто обидел. Твоя же задача – не нести внутри, простить и отпустить.

– Но ведь есть огромное количество этих, которые как бы ни объясняй – не поймут! И будут потом думать, что я вся такая отходчивая и меня никакие гадости не задевают, – недовольно бурчала Женька.

– Ну, ты же должна понимать, какой перед тобой человек, – тут кранфур поперхнулся и добавил: – хотя, нет, не должна. Просто наблюдай. И если ты знаешь, что ему человеческое чуждо, зачем мучить себя? Таких проходят мимо и стараются не впускать в свой личный садик чувств и эмоций. Просто человек не твой.

– И что же, этот человек станет для всех чужим? Как же тогда общаться? – недоумевала конопатая девочка.

– Жень, все люди разные, – неторопливо и мягко произнёс слова пушистик. – Для кого-то и этот человек будет добрым и нежным, неспособным сделать больно. Оливки едят не все, а кто-то их обожает.

Организм подскажет

– Давно тебя не видел. Даже соскучился, – пушистик сел рядом и мягко прикоснулся к локтю девочки. – Ты себя плохо чувствуешь и уши до сих пор болят, да?

– Да, иногда будто стреляет внутри, прямо в ухе. Скажи, а у тебя что-нибудь болит? – девочка разворачивала конфету, чтобы угостить своего маленького заботливого друга.

– Да, иногда лапы и уши зажимает падающими досками. Или голуби пытаются пощипать. Но мне проще, эта боль недолгая, потому что всё быстро заживает, ты же знаешь, – Ноум наклонил голову набок и улыбнулся.

Женя вспомнила свою первую и страшную ссадину, которую она получила на этом чердаке в день знакомства со своим другом – кранфуром.

– Мне бы так, – вздохнула девочка. – И к тебе не отпустили. Представляешь, ты лежишь на диване, на мягкой подушке. Вроде всё хорошо. А смотреть можешь только прямо. Если ты отведёшь взгляд влево или, например, вверх – такое ощущение, будто в голове много маленьких злых человечков тянут за верёвки, на которые привязаны там внутри глаза. А ещё ты никого не слышишь. Твои уши залиты кучей лекарств и страшно болят. Я и теперь не очень хорошо слышу. Представляешь, как будто море шумит всё время. И вот то, что тише моря – я не слышу и не понимаю.

– Вот угораздило тебя искупаться в холодной реке, – сочувственно вздохнул Ноум. – А ведь говорили, что не надо лезть в воду. Ты ж никого не слушаешь, Женька. Теперь я тебе не помогу. Поздно уже. Я не в силах исправлять, к сожалению.

Ноум медленно переместился на рядом валявшуюся деревяшку и посмотрел в зелёные глаза девочки.

– Ну, я ж всё делала так, как хочу! Помнишь, мы разговаривали на эту тему? Ты говорил, что всё правильно! – удивлению в глазах девочки не было предела.

– Глупая Женька, а может, ты не будешь путать ситуации, когда твой организм тебе всё говорит? Кроме «хочу» в голове, должны же быть «хочу» и в теле, – пушистик пытался оттереть остатки шоколада с шкурки. – У тебя салфетка есть? Или тряпочка какая-нибудь.

Девочка протянула платок из потрёпанной сумки кранфуру. Маленький чудик почти укрылся им и смешно пытался убрать остатки.

– Тебе же было холодно. У тебя дрожало всё тело, а ты всё равно лезла в эту воду. Твоё маленькое тельце чуть ли не кричало тебе, что оно не хочет в воду, – Ноум протянул один край платка девочке, но не успел спрыгнуть с другого конца, на котором стоял одной лапкой, и полетел кубарем, поднимая огромное облако чердачной пыли. Женя подхватила друга на руки и прижала к себе.

– Подними меня на крышу, что-то давно я город не видел, – глазея в отверстие кровли, попросил он.

Девочка подняла чудика на край дыры в крыше.

– А ты знаешь, что лень тоже показывает, что с тобой что-то не так? – вдыхая запах городских улиц, спросил кранфур.

– Я всегда думала, что лень это нехорошо. И что лениться нельзя, – последовав примеру друга, произнесла она.

– А ты и не будешь лениться, если твой организм здоров. Ты не захочешь валяться или спать долго. Просто нужно слушать свой организм. Давай об этом в другой раз? Тебя уже потеряли.

– Точно, пора бежать, – грустно заключила Женька и аккуратно спустила на пол своего друга.

Дополнительные батарейки

– Но-о-оум! Ты обещал, что мы поговорим о лени! – кричала девочка, взбираясь на тёплый чердак. Ступеньки лестницы, как обычно, скрипели и выдавали каждое движение.

– Ты уж залезь сначала, – выполз, отряхиваясь от пыли, из угла ушастый чудик.

Женя сделала последние движения, которые требовались, чтобы занять любимое место на протёртой балке напротив пятна света посередине крыши. Отдышавшись, она взяла кранфура на руки и начала теребить его шкурку.

– Эй, ты решила выщипать весь мех? – Ноум сорвался с рук и встал перед девочкой. В его глазах маленькие молнии искрили так, что перепугали Женьку.

– Прости! Я просто где-то в своих мыслях витаю. Завтра мама с папой приезжают. И впереди деревня, школа, Ромашка, – грустила она.

– Да знаю я! Мучить-то меня зачем? – Ноум потихоньку начал успокаиваться, и в его голоске уже не было слышно колкости и раздражения.

Женя впервые видела его таким. Всегда спокойный и рассудительный кранфур сейчас был похож на маленького злого чёртика. Вроде и смешно, но как-то страшно.

– Вот дурная привычка у тебя теребить и рвать в руках всё, когда нервничаешь. Твои приедут не завтра, а послезавтра. Ты ещё успеешь заглянуть ко мне. И у меня для тебя новость будет, если не передумаю. – Ноум подмигнул синим глазом. – Сегодня я не расскажу ничего.

– Поняла. Значит, будем говорить о лени? – виновато спросила зеленоглазая растрёпа.

Она понимала, что решение кранфура изменить нельзя и все эти упрашивания приведут лишь к тому, что он замолчит и больше ни слова не скажет.

– Значит, о ней, – вконец успокоился Ноум и улыбнулся. – Вот смотри: если ты с утра решила рисовать, то проснёшься очень-очень рано. У тебя будет куча энергии и сил, чтобы это делать. Ты же любишь рисовать. Когда понимаешь, что у тебя получается – заряжаешься ещё больше. А вот теперь вспомним уроки математики. В сон клонит? А когда уроки по русскому языку? Во-о-от! У взрослых то же самое. Ты видела, с каким настроением твоя мама рисует плакаты? А оформляет сцену? Откуда у взрослого человека столько энергии берётся? Оттуда же… Изнутри. Там включаются дополнительные батарейки, которые садятся, когда ты или твоя мама делают то, что не заряжает их.

– То есть у нас внутри аккумуляторы? – удивилась девочка.

– А я не думал, что ты знаешь это слово, – засмеялся чудик. – Да… Жалко, что у многих они садятся и люди теряют зарядное устройство для них.

– А как их заряжать?

– Ну, мы же с тобой только что обсудили это – заниматься тем, что нравится. Оказываться там, где хорошо. Ты когда-нибудь слышала от мамы фразу, что самая хорошая работа – это хобби?

– Да, но… – Женька опустила глаза.

– …но твоя мама занимается тем, что её не заряжает?

– Мне кажется, да, – загрустила Женя.

– Не думай за других. Даже за маму. Мы не в силах менять людей, тем более своих родителей.

– Почему же? – округлила глаза она и уставилась на друга. – Может, если я объясню ей, помогу понять, что есть вещи, которые ей в радость, она что-то поменяет в своей жизни?

– Нет, Жень, такого не будет. Во-первых, меняются люди только по своему желанию, – серьёзно произнёс кранфур. – А во-вторых, родители – это люди, которые воспитывают и помогают вырасти тебе. В обратную сторону воспитание не работает. У каждого своя роль.

Родители – это самые сложные люди для тебя, потому что их энергия обратно не возвращается, иначе это будет нарушение хода мировых вещей.

– Но они же учатся с нами, детьми, что-то новое чувствовать, говорить, – неуверенно выдавила из себя Женя.

– Потому что это их новый этап, но это не ты учишь их, а они учатся рядом с тобой, – засмеялся Ноум. – Я понимаю, что это трудно осознать, но вот так устроено всё в этом большом и волшебном Мире.

– Спасибо, Ноум, я попытаюсь понять, – виновато, будто она должна была сразу осознать каждое слово, произнесла Женька. – Мне пора.

– Приходи завтра! – кивнул пушистый житель чердака вслед уходящей девчонке. – Я буду тебя ждать.

Лето пролетело

За окном показалась папина красная машина. Автомобиль, который преодолевал расстояние в двести десять километров в течение долгих и нудных четырёх часов. Жаркий, пыльный и невозможно воняющий бензином после каждой заправки. Казалось, что летом эта машина становилась каким-то автомобилем из ада – в ней плавилось всё. Открытые окна не спасали от этой убийственной духоты и горячих диванов. И вот это красное техническое создание въезжало на улицу, ставшую за это лето родной. Папа за рулём, мама рядышком и на заднем сидении распаренная маленькая сестрёнка.

Прятаться? Бежать? Куда? Слёзы начинали душить белокурую девочку. Домой ехать, мягко говоря, не хотелось. Пока из машины никто не вышел, есть возможность спрятаться за кустами акации и сбежать. Дверь, ступеньки, подъезд, яблоня. За углом дома нога проваливается в ямку. Волосёнки разлетаются веером, пока маленькие ручки не трогают землю. С запястий сорвана кожа… Больно. Но останавливаться нельзя. Таня, скорее всего, ищет её, свою белобрысую племянницу, и ругает её на чём свет стоит. Тётя с большой вероятностью догадывается, куда сбежала девочка.

– Они приехали. Скорее всего, меня ищут. Там сестрёнка. Я к ней хочу. Домой не хочу, – выпалила Женя, только успев подняться на чердак.

Вокруг было так много голубей, что непонятно было то ли пух от них в воздухе, то ли такое количество пыли оттого, что они купаются в земле.

– У тебя есть, куда меня посадить? – послышался голос Ноума за спиной.

Глаза девочки округлились. Хотелось так много спросить, объяснить и выяснить, но дыхание перехватило. Непонятно отчего больше – оттого, что сейчас пришлось много и быстро бежать, или от этого ошеломляющего вопроса. Она суетливо стала обыскивать своё тельце в поисках места, куда можно было впихнуть пушистика так, чтобы его никто не заметил.

– Ты можешь посадить меня в свою сумку, – махнул он головой на потрёпанную белую сумку с ремешком через хрупкое плечико. – А дома мы что-нибудь придумаем. Только одно условие.

Женя уже открывала самый большой карман, чтобы выкинуть лишние бумаги, «красивые» камешки, высохшую тушь, которую отдала Таня. Она вопросительно посмотрела на кранфура и ждала, когда же он огласит своё единственное и, скорее всего, не очень приятное для неё условие.

– Как только захочешь меня показать кому-то, я исчезну. А ты должна понимать, что я узна́ю об этом, – он произносил эти слова спокойно и так, будто просто беседовал с Женькой.

Та в свою очередь махнула головой и открыла самый глубокий карман сумки.

– Обещаю! – прошептала она.

– Алёнка такая загорелая. Мам, вы много купались этим летом? – слёзы всё ещё стояли в глазах девочки.

Её глаза становились ещё зеленее на фоне раскрасневшихся век. Женька разглядывала свою младшую сестру с красивым ровным загаром и выгоревшими белыми волосами, туго собранными в причёску ленточкой. За спиной оставался двор с обидой на деда, бабушка с кошкой и тётя с кучей ночных историй. Из-за угла дома выскочила девчонка с четвёртого этажа и помахала красной машине рукой.

Запах новых тетрадей

Что значили эти последние летние деньки для маленькой беловолосой девочки? Какие мысли не давали ей заснуть этими первосентябрьскими ночами? Почему-то забывалось всё то, что казалось так страшно потерять – сон до обеда, ранетки и черёмуха в соседском палисаднике, речка, обжигающее солнце. Всё это вдруг стало таким малозначительным, и руки перебирали новые, вкусно пахнущие школьные принадлежности. Ещё не ношеная юбка с блузкой висели выглаженными, туфли, колготки, банты. Забылись слёзы, оставленные в городе с уже не пушистыми тополями. Впереди – дни с ручкой, которая писала тоненько и была очень дорогая, как сказала мама. Тетрадки с белыми-белыми листами, на которых тоненький след будет очень красиво смотреться. Да, пройдёт несколько месяцев, и ручку сменит синяя, толстая, которая постоянно мажет. И писать она будет уже в тетрадке с тёмными, некрасивыми листами… Почерк в такой тетради очень менялся. Был совсем безобра́зным. Но всё это будет потом. Не сейчас.

Через два дня папа принесёт утром безумно красивые цветы из огорода бабушки. Красные гладиолусы, белые, розовые астры и веточки мохнатой ёлочки, которую мама никогда не садила. Почему-то именно она оставляла в душе́ тёплый трепет перед выходом на школьную линейку.

– Я надеюсь, твоя сестрёнка уснула, – тихо прошептал Ноум, выползая из-за подушки.

– Да, давно уже. Слышишь, как сопит? Значит, спит, – посмотрела в сторону соседней кровати Женя.

– Вот скажи, зачем плакала там, в городе? Ты же сейчас счастлива, – сел в волосы, раскиданные по подушке, пушистый друг.

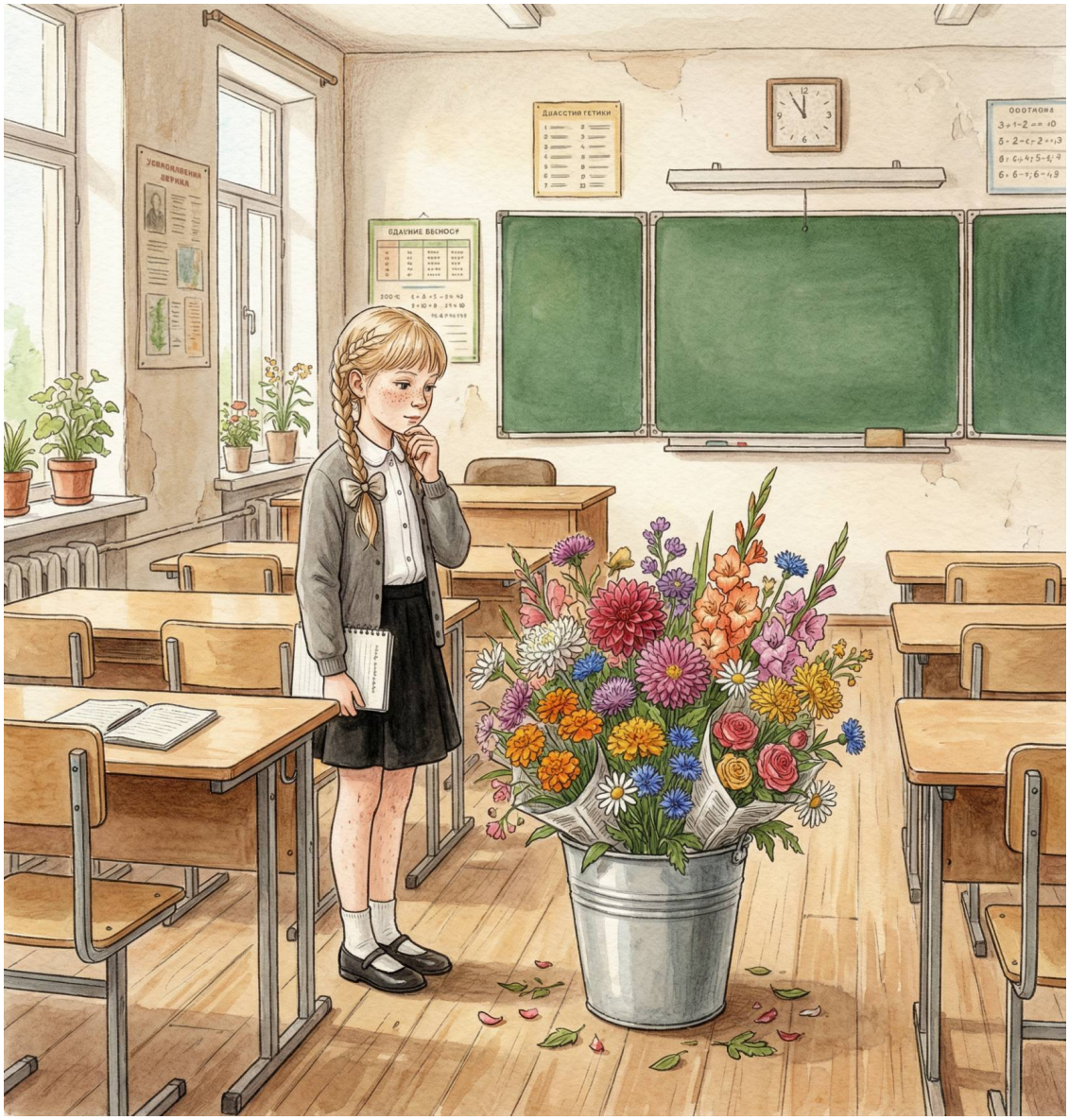
– Я не знаю. Мне просто было грустно, – протянула девочка. – Мне казалось, что это всё. Моя весёлая и счастливая жизнь заканчивается с приездом этой ужасной красной машины.

– Помнишь, я говорил, что недолго что-то остаётся важным? – пушистик закинул свои лохматые лапки за голову и смешно упал на спину, положив одну ногу на другую.

Они лежали, не закрывая глаз, и смотрели на флуоресцентные звёздочки, старательно приклеенные мамой. У каждого крутилась своя мысль. Кто-то думал о том, что банты на резинке смотрелись бы красивее, чем гофрированные ленточки. А кто-то не мог уложить в своей голове, почему люди так волнуются по пустякам.

Ведро с цветами

– Это ведро с цветами у доски теперь очень сильно мешается. Учительница всё время таскает его из стороны в сторону, чтобы что-то написать. Знаешь, я иногда не понимаю, зачем дарят столько цветов учителям, – Женя подставила руку навстречу лунному свету и заворожённо разглядывала, как эти дорожки проходили сквозь её тоненькие пальчики и как легко перекрывались ими же. – Мне жалко цветы. Они же погибнут уже скоро.

Пушистик вылез из-за подушки и уселся на живот к девочке. Его синие глаза будто мерцали в этом странном и волшебном свете, льющемся из окна с жёлтой занавеской.

– Ну, это же знак внимания, кажется, это так у вас называется, – пожал плечиками Ноум. – Тем более у вас, в посёлке, где в каждом огороде цветов целое море.

Он и сам не знал, как можно объяснить такую любовь к чему-то недолговечному, хоть и красивому.

– А я всё равно не понимаю. Моей маме тоже дарят цветы. Она принесла огромный букет со школы, и ещё такой же у неё стоит в ведре, как и у нас, в классе. Дарят ей, любуются все, а ещё запинаются об это ведро. У нас мальчишки сегодня два раза чуть-чуть не перевернули. А ведь я тоже несла такой букет. Мой стоит на столе в вазочке у учительницы, – повествовала о своих мыслях Женька.

Впервые пушистый друг не смог сказать девочке, почему так. Почему люди не приобретают бесполезные вещи себе, но с радостью дарят их окружающим. Почему этот цветок всё лето слушал птичью трель, а в сентябре должен погибнуть от ног мальчишек, которые бесились на перемене. Конечно, с приходом холодов эти нежные пушистые цветочки всё равно склонят свои головки перед натиском и силой морозов, но это будет позже.

– Ноум, я только сейчас поняла, почему я не люблю делать подарки. Мне всегда кажется, что такой не нужен. А если не надобно, значит, он будет валяться или, что ещё хуже, его выкинут, – в глазках девочки застрял ужас, в уголках засверкали слезинки. – Я хочу быть необходимой, и хочу, чтоб подарки были такими.

Чудик переполз поближе к голове девочки и нежно вытер слезинки, уже собравшиеся бежать к уху.

– Тебе пора спать. Сейчас ты можешь дарить то, чего у многих людей уже нет – свою любовь и тепло. Поверь, это самые нужные вещи в вашем мире. Только не путай, как в прошлом году, любовь и слово «нравится», хорошо? – улыбнулся кранфур.

Смешное слово

Дрёма сегодня никак не шла. Глаза безуспешно искали что-то пушистое и синеглазое в этой густой темноте. Сестрёнка давным-давно сопела на соседней кровати, обложившись игрушками так, что самой места уже не было. Она постоянно укладывала своих плюшевых друзей так, чтобы им было удобно. Не имело значения, что утром она просыпалась там, где должны были быть её ножки. Без одеяла, запутавшись в волосах, свернувшись в комочек, она довольная открывала глаза и радовалась, что ни один из её друзей не свалился с кровати. Каждой своей игрушке она желала спокойной ночи, а некоторые из них целовала. А потом, думая, что прочие разобидятся, одаривала поцелуями их. Её традиция подготовки ко сну неизменно смешила Женю, но никто не смел нарушать череду действий малюсенькой девочки.

В девять часов вечера мама уходила доить корову. Это создание по имени Дочка давало много молока, и первый стакан из процеженного ведра всегда доставался крохе Лёльке. Она забиралась с ногами в угол дивана и потягивала стакан парного молока, изредка показывая свою усатую мордашку из-за большой металлической кружки с отколотой эмалью. Половина всегда была опустошена до телепрограммы «Спокойной ночи, малыши», а остальная часть допивалась уже быстрее под «Новости». Мама тщетно пыталась её поторопить, так как никогда не менялась скорость высасывания содержимого. Потом маленькие босые ножки шлёпали на кухню, громко ставили кружку на стол и топали обратно, к своей комнате, где её объятий и поцелуев ждали мягкие друзья.

– Говорят, ты сегодня на весь класс была поднята? – чуть не срываясь на смех, прошептал Ноум.

– Ага, было такое. Причём я совсем даже не виновата. Задание смешное было. Учительница сказала придумать слова, которые оканчиваются на мягкий знак. Ну, я и придумала… Сказала Ромашке, а он не сдержался и начал хохотать, – Женя рассказывала это отстранённо, будто не о себе.

– Ну да, «вонь» – это то слово, которое вы должны были обязательно записать в своих тетрадях, – тут Ноум не удержался и в хохоте кувырком свалился с подушки. С соседней кровати послышалось шуршание и недовольное ворчание. Поднялась запутанная в длинных волосах головка. Кранфур притих. Головёшка упала на подушку. Сестрёнка поуютнее укуталась в тяжёлое ватное одеяло и очень скоро засопела снова.

Со следующего дня Ромашку отсадили на другой ряд, к мальчику по имени Денис. А Женя осталась за этой партой, где прозвучало совсем не словарное слово, одна.

Быть, а не казаться

– А меня пересадили, – пробормотала в пустоту Женька.

Пушистик не торопился вылазить из-за подушки, где у него появилось своё тёплое гнёздышко, с которого его всё время пыталась выжить чёрная кошка.

– Из-за «вони» что ли? – послышался сдавленный смешок из-под подушки.

– Да про это уже все забыли! Нет, просто с моим ростом тяжело сидеть за этой партой. И меня посадили на последнюю, самую высокую. С девочкой Кристиной. Ты помнишь Дениса? Ну того, что любила целый день, – Женя засмеялась, припомнив, как она с девочками зажимала этого бедолагу и пыталась поцеловать. – Оказывается, Кристина ходит с ним домой. Они друг от друга недалеко живут.

– В вашем колхозе всё близко, если уж подумать. Вспомни, как далеко ходить в нашем городе тополей, – казалось, будто кранфур Ноум сейчас очень скучал по своему чердаку, он спрыгнул с кровати и уселся на ковёр.

Его длинная шёрстка красиво переливалась в свете луны. Наверное, есть две вещи, которые заставляли эту светловолосую голову застыть, где б она ни была. Лунные дорожки, переплывающие одна в другую, и солнечные лучи, в свете которых плавала мелкая блестящая пыль. Она и сейчас заворожённо смотрела на пушистика в этом свете. Кранфур наклонял свою головку то в одну сторону, то в другую. Переливались волосинки, блестели глаза. Он что-то мурлыкал себе под нос и улыбался. Вспоминал ли город, радовался ли сегодняшнему моменту – только пушистику одному известно.

Чтобы ответить на этот вопрос, Женя решилась спросить:

– Ноум, а есть разница, где быть счастливым?

Кранфур остановил свои покачивания и прищурил глаза.

– Нет, Жень, нету… Но, если тебе холодно и голодно – счастливым быть, ой, как трудно, – Ноум улыбнулся ещё шире. – Нелегко, но возможно. Нельзя заставить себя быть счастливым. Можно им быть. Ты не раз ещё услышишь замечательную фразу, придуманную людьми: «Быть, а не казаться». Жаль, что ты всегда ищешь только дурное в сложившейся ситуации. И люди, которые вокруг тебя, тоже стабильно ищут плохое. Забавно то, что все счастливые люди будут твердить, что нужно изменить своё отношение к ситуации. А знаешь, в чём подвох? Они научились этому. Кто-то тяжело, а кто-то с детства умел. А сможешь ли ты, вечно плачущая от «плохого», поменять себя?

– Ноум, вот скажи, пожалуйста, – Женя села на постель, обняла скомканное одеяло и посмотрела на пушистика, – почему я такая злая? Ты видишь сестрёнку? Она же ма-а-аленькая, хрупкая, а я делаю всё, чтобы она меня ненавидела…

– Что ты делаешь? – пушистый друг сел на край постели и спустил свои маленькие лапки.

– Я включаю музыку, которую она не любит. Я смеюсь над ней, когда она плачет в это время, и добавляю громкости. Сильнее плачет – выше громкость. Я ужасная.

– Да, ты ужасная, – он даже не стал спорить, потому что прекрасно видел, как Женя это делала. Как она кричала на этого маленького светлого ребёнка, когда её игрушки оказывались на полу, хотя у самой Жени творился ещё больший и страшный беспорядок под кроватью. Как в колонках под потолком играла музыка, которую не могла пережить маленькая душа этого светлого ребёнка. Какая стояла ругань, когда Женька включала злую старшую сестру и заставляла прибираться дома… Всё это видел Ноум. Но разве может подействовать фраза «так делать нельзя» на подростка, сказанная каким-то пищащим клубком меха? Она и родителей-то не слушала.

– И знаешь, Ноум… я всё это понимаю. Она же меня будет ненавидеть. А помнишь, как я сказала ей, что она не из нашей семьи и будто родители её взяли из детского дома? Я же никогда не прощу себе этого, – Женя опустила голову в одеяло и заплакала.

– А что тебя пугает больше? Что твоя сестрёнка будет считать себя чужой в вашей семье или что она не будет любить тебя?

– Что она будет ненавидеть меня, – посмотрела в сторону соседней кровати девочка.

– Это мы исправим, я позже тебе расскажу, как решим эту проблему. Но… – Ноум покачал головой и также бросил взгляд в сторону, откуда не отводила своих глаз Женя. – Боюсь, это не тот выбор.

– Я не хочу, чтобы она меня ненавидела, – голос девочки был твёрдый. Это было то, о чём она и думала.

Она переползла на подушку, раскатавшуюся на половину кровати, укрылась тяжеленным одеялом и закрыла глаза. Ноум перебрался к своему углу, улёгся рядом с чёрной кошкой, успевшей занять его место. Задумался о том, что маленькая сестрёнка из своего детства вынесет не подушки, пролетавшие рядом с головой, а фразу: «Мы тебя вообще из детдома взяли».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.